КРОКОДИЛ

Угадайте—из каких мест прибыли толкачи?

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ДАЕМ КОНСУЛЬТАЦИИ

В наш век бурного прогресса всякая деятельность должна быть тоже бурной, искрометной, кипучей. Работа с ленцой, затяжные перекуры, этакая восточная медлительность решительно не вписываются в современный динамичный темп жизни. Заниматься каким-нибудь делом и не проявлять рвение, выполнять какую-то функцию и не заражать окружающих энтузиазмом, работать и не клокотать— ужасно старомодно и... опасно. Можно легко заслужить квалификацию «работничка-спустя-рукава», а уж от такой оценки до лишения премиальных, понижения в должности или даже увольнения—один шаг.

Ну, а если вы от рождения натура медлительная, если и на работе и дома вас тошнит от одного зрелища суеты, если вам показан исключительно покой, как быть тогда? Именно на вас и рассчитаны наши консультации. Вчитывайтесь в них и делайте полезные для себя выводы из наших советов.

Итак, к вашим услугам новая крокодильская рубрика: **ИМИТАЦИЯ КИПУЧЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**, сокращенно **ИКД**. Обращайтесь к нам за помощью, разъяснениями, шлите свои предложения. Не забудьте только указать на конверте: **«ИКД»**.

Представьте себе, что вы секретарша, а ваш начальник уехал в главк. Чем заняться? Пойти в буфет и поболтать там с подружкой, заняться вязанием пуловера или маникюром? А может быть, просто достать из сумки книжку и углубиться еще раз в неповторимые переживания виконта де Бражелона? Предостерегаем: не делайте этого! Не поддавайтесь такого рода слабостям и соблазнам, а займитесь совсем другим.

Возьмите в руки любые лежащие на вашем столе бумаги и, выйдя из приемной, шагайте с озабоченным видом по коридору, задавая каждому встречному и поперечному один и тот же вопрос:

— Вы не видели Иванова?

Если учреждение солидное и коридоры в нем достаточно длинны, а Иванов давно уже отбыл на пенсию, то вас никто не остановит.

Проделав этот маневр в течение рабочего дня несколько раз, вы приобретете репутацию самой энергичной секретарши.

Вас послали на крышу счищать снег. Естественно, что вы можете, опершись на лопату, бесконечно долгое время созерцать безоблачное голубое небо, следить за пролетающими воздушными лайнерами и восхищаться расстилающейся внизу величественной картиной жилстроительства...

Но, увидев во дворе управдома, вы должны немедленно начать размахивать лопатой. На всякий случай предупреждаем: ковырять снег надо не ручкой, а лопастью лопаты. Так уж этот инструмент устроен...

Вы руководитель большого учреждения, и у вас на столе несколько разноцветных телефонных аппаратов. Пока они молчат. До поры до времени. Но вот в вашем кабинете появился представитель вышестоящей организации. Будучи заранее уведомленным о важном визите, вы просите ваших приятелей позвонить именно в этот момент.

Раздается звонок по черному телефонному аппарату. Вы снимаете трубку и кричите:

— Клайпеда? Я слушаю вас! Погрузка? Не прекращайте ни на одну минуту!

В это время трезвонит зеленый телефон. Вы прикладываете зеленую телефонную трубку к другому уху:

— Кушка? Минуточку, Клайпеда, меня вызывает юг! Я слушаю! Нет, температуру воздуха ни в коем случае не снижайте. Если слишком жарко, выбросьте в продажу новую партию прохладительных напитков! Да, вот так!

Моргает желтым глазком белый аппарат...

— Дудинка? Я слушаю! У вас ледостав? Прекрасно! Наращивайте льда побольше! А весной наладим экспорт вашей дешевой продукции в жаркие страны! Привет семье, адью!

Потом вы в изнеможении откидываетесь в кресле и говорите представителю вышестоящей организации усталым голосом:

— Вот так день-деньской, с самого раннего утра до позднего вечера... Передыху не дают.

Только, умоляем вас, называя ваших воображаемых телефонных собеседников, не перегибайте палку! Помните, что филиала вашего треста на Луне пока еще не существует...

Вы дома, у своего, так сказать, семейного очага, уселись в кресле и занялись чтением «Недели».

Из кухни доносится несколько повышенный голос жены:

— Уселся? Займись наконец делом: полей цветы, пропылесось ковер, прибей вешалку и вынеси мусор во двор.

В этот момент энергично зашуршите бумагой, чтобы создать впечатление, будто вы откладываете «Неделю» в сторону, потопайте ногами, имитируя энергичную пробежку по комнате, и продолжайте читать очередную зарубежную новеллу. Считайте, что минимум двадцать минут блаженного покоя вы уже выиграли...

Вел консультацию заслуженный имитатор КД
М. ГРИГОРЬЕВ

Бор. ЮДИН

Честно, друзья.
Приношу извинения
За откровенно
Насмешливый тон —
За драматический,
Анекдотический,
Фармацевтический
Фельетон.

В доме больной: 37 и 4.
Кашель. Охрип. Изменился в лице...
Врач на дому, а точней — на квартире,
Выписал тут же больному рецепт.

Мчитесь стрелой, как борзая, с рецептом,
Молча суете рецепт фармацевтам
И получаете точный ответ:
«Этого нет, и вот этого нет!»

Если ж в аптеке зачем-то вам надобно
И без рецепта какое-то снадобье,
Мчитесь стрелой марафонцу под стать
С думою: «Где это можно достать!..»

Мчусь по Неглинке, Покровке, Петровке...
— Есть марганцовка!
— Нет марганцовки!
Сколько вам раз отвечать, гражданин!
Нету! Хотите амидопирин!

Мчусь по Солянке, Полянке, Землянке...
— Есть валерьянка!
— Нет валерьянки!
Есть только то, что нам база дает.
Нынче в продаже салол, толокнянка,
Детские соски, термометры, йод.

Трижды счастливой находкою стало
То, что советуют вам доктора.
— Нош-па! Зайдите в начале квартала!
— Сода! Закончилась только вчера!

Ясно. Продумано все. Понимаю:
Вата — в апреле. Календула — в мае
Летом к горчичникам нет интереса —
Все для примочек! Все для компрессов!
В августе радует сердце картина:
Ломятся полки от раунатина.
Ляпис — тот ближе к осенней поре,
Горькая соль — в декабре, январе.

Пусть мой призыв не покажется странным:
— Братцы! Родные! Хворайте по плану!
Помните, нынче лекарства берем,
Сообразуясь с календарем.
Чтобы спокойно аптекари жили,
Чтобы без паники нас обслужили,
Не нарушая нам сердцебиения,
Не повышая сверх нормы давления,
Не поднимая число лейкоцитов,
Вежливо!
Быстро!
Немедленно!
Cito!

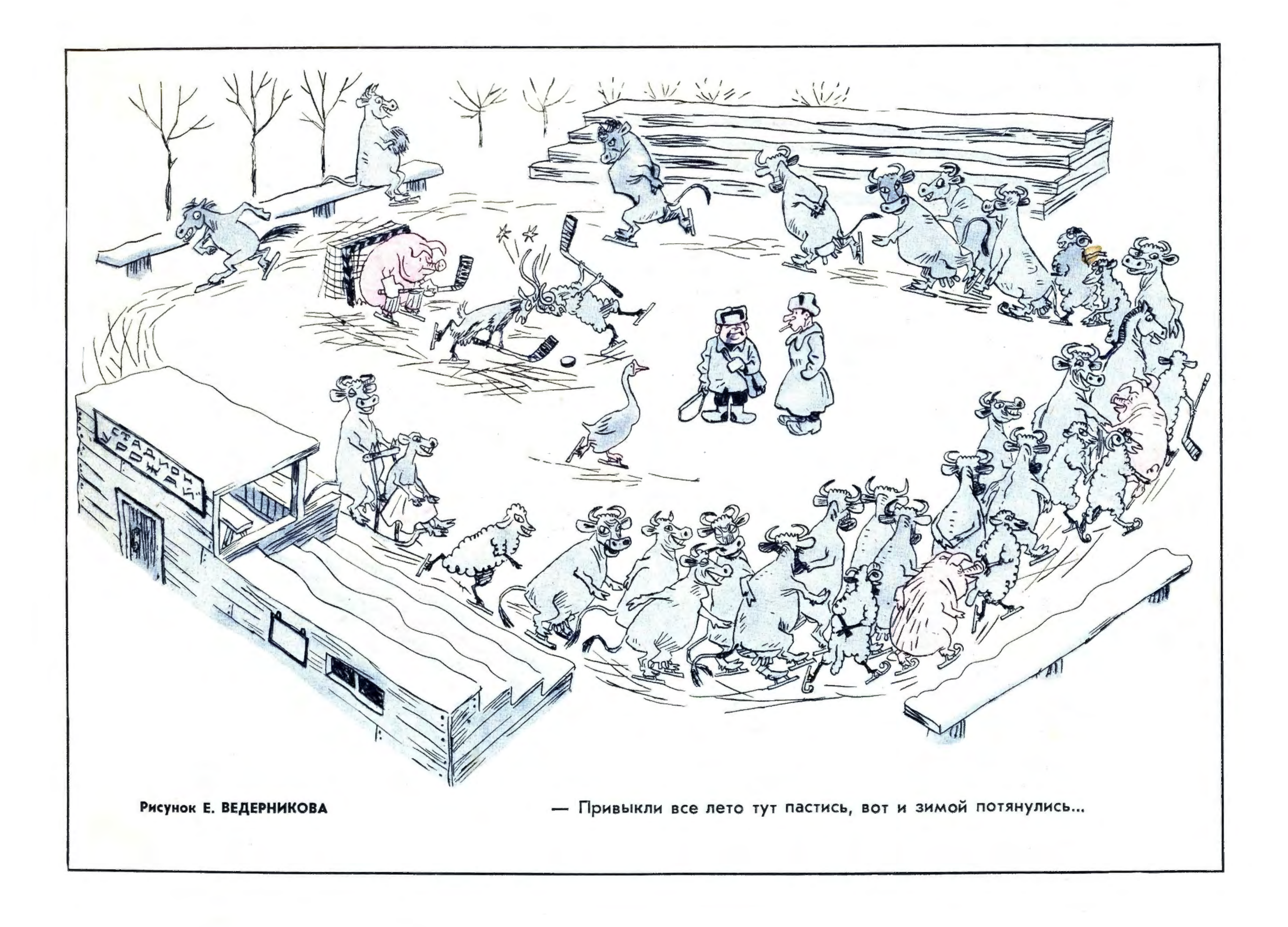

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Привыкли все лето тут пастись, вот и зимой потянулись...

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ТАРЕЛКА В ФИНАЛЕ

Драматург прочитал в театре новую пьесу.

Читка новой пьесы — это, можно сказать, сенсация.

А если пьесу еще и приняли к постановке,— это уже «ЧП» — чрезвычайное происшествие.

Пьесу, как ни странно, приняли. Не успел счастливый драматург прийти в себя — новая неожиданность:

— Вашу пьесу будет ставить главный режиссер!

Драматург сдул пылинку с пиджака главного режиссера, погладил его зачем-то по плечу, спросил ласково:

— Я не сплю?

— Нет,— буркнул режиссер,— но боюсь, что спать будут зрители. Больше энергии положительным героям! Больше движения отрицательным! И вообще больше шума, криков, скандалов на сцене... Зрителю надо не дать задремать. Так что вы еще поработайте в этом направлении.

Драматург поработал.

Уже в самом начале пьесы один нехороший начальник очень сильно кричал на одного хорошего подчиненного.

Ближе к середине подчиненный, не выдержав, гонялся по кабинету за начальником, замахиваясь на него очень пухлым портфелем.

А к концу пьесы наступала трагическая развязка: невинная вечеринка сослуживцев превращалась во всеобщую потасовку, и под самый занавес главный герой бил об пол тарелки.

— Прекрасно! — воскликнул режиссер, прочитав новый вариант пьесы.— Теперь-то уж зрители у нас глаз не сомкнут! Что ж, начнем репетировать...

Когда подошло время генеральной репетиции, главный режиссер поймал-таки постоянно ускользавшего от него зав. реквизитом и строго сказал:

— Мы играем уже в костюмах и декорациях. А где, черт побери, реквизит?

— Простите, что именно?

— Ну хотя бы портфель, скрипка, тарелки...

— Портфель уже на сцене, скрипку сейчас принесу, а вот тарелки... Увы! Нету.

— Как это — нету?

— Да вот так. Все посудные магазины обшарил. Всех знакомых продавцов обзвонил. Говорят: гарнитур — можем. Шапку-ушанку — извольте. А тарелки... Хотите ушанку?

— Издеваетесь?! — заорал режиссер, багровея.—Что мы бросать об пол под занавес будем? Шапку?

— А почему бы и нет? Пусть бросают и топчут. Тоже ведь нелегко достать. Зал ахнет, жалеючи шапочку-то...

Режиссер застонал и взялся за сердце. Зав. реквизитом помчался в театральный буфет.

— Катя, а, Катя, одолжи тарелочку. Хоть одну. Для премьеры.

— Хо-хо! Какую, летающую?

— Да я серьезно!

— Вот чудак! Где ж я тебе ее возьму?

— А людям бутерброды свои куда кладешь?

— На ладошки. Народ в театр ходит трудовой, работящий, у них ладошки — с тарелку.

— Ясно,— вздохнул зав. реквизитом и позвонил автору пьесы.

— Драматург, будь другом: разреши пьеску твою чуть-чуть подправить.

— Зачем?

— Ну, нет у меня тарелок для битья, хоть режь! Пусть бьют рюмки, а?

— Ни в коем случае! — сказал драматург.— Не тот размах. Не тот звон будет.

— Звон мы изобразим. За кулисами.

Спорили долго, отчаянно и сошлись на фужерах.

Узнав об этом, режиссер слег.

— У меня дерзкий творческий замысел,— прошептал он.— Не зря же, не просто же так в финале бьют именно тарелки. Этим я как бы протягиваю невидимую нить к следующей моей постановке «Смерть Тарелкина». Вот ведь в чем суть!

— Но позвольте...

— Не позволю! Или я или фужеры! Выбирайте.

Выбрали режиссера, и тогда зав. реквизитом вывесил объявление: «Убедительная просьба ко всем работникам театра принести из дома и сдать лишнюю или ненужную посуду».

В общем, премьера все-таки состоялась: разбили пару тарелок, которые зав. реквизитом отбил у жены.

На следующем спектакле вдребезги разлетелась личная тарелка драматурга, потом — главного режиссера, затем кокнули еще две-три раздобытые у актеров посудины, а потом пьеса незаметно исчезла с афиш.

— Нас частенько ругают за отсутствие современного репертуара,— заявил в интервью по радио главный режиссер театра.— А ведь ругать надо порой не нас, а работников фарфоро-фаянсовой промышленности! Так-то.

Джимми БРЕСЛИН, американский писатель

МАРВИН-ФАКЕЛЬЩИК — борец с экономическим спадом

Высшие американские финансовые эксперты предсказывают, что в недалеком будущем нынешний экономический спад в США уступит место экономическому подъему.

В ожидании этих счастливых времен некто Ньюболд, придя как-то утром на свою брючную фабрику, в течение двадцати минут срывал со всех стен таблички «Курить воспрещается».

— Что ж, может быть, это и выход,— бормотал он.— Придется побеседовать с Марвином-Факельщиком, а его эти таблички могут обидеть...

Бизнес Марвина-Факельщика — выручать банкротов, возлагающих последнюю надежду на страховой полис. Он обращает полис в деньги путем превращения убыточного предприятия в груду дымящихся головешек.

За «расчистку участка», то есть за поджог фабрики, Марвин-Факельщик потребовал пять тысяч долларов.

— Понимаете, я просто хотел обменяться с вами приветствиями, и больше ничего,— сказал Ньюболд, пожимая плечами.

— Понимаю, привет,— сказал Марвин.

— Я никогда не нарушаю законов,— сказал Ньюболд.

— Разумеется,— сказал Марвин.

— Вы гангстер? — спросил Ньюболд.

— А вам нужен зубной врач? — спросил Марвин.

Надо сказать кстати, что с наступлением экономического спада по числу страждущих, которые обращались к нему за помощью, Марвин-Факельщик мог состязаться с самым модным зубным врачом.

— Я не общаюсь с гангстерами,— сказал Ньюболд.— У меня солидная репутация.

— Что ж, я пошел,— сказал Марвин.

— Садитесь, я на грани банкротства,— сказал Ньюболд.

Фабрика Ньюболда выпускала спортивные брюки для игры в гольф. И в недавние годы даже водители автобусов приобретали эти изысканные брюки. Дела Ньюболда шли так хорошо, что он купил большую рыбную закусочную. Эта закусочная, хоть и захудалая на вид, давала небольшую, но постоянную прибыль, которая тратилась в основном на пышнотелых девиц: до них Ньюболд был большой охотник.

Когда в американской экономике наступил спад, те, которым дрожь в руках еще позволяла держать клюшку, разыгрывали партии гольфа в чем попало. Брючная фабрика Ньюболда становилась убыточнее с каждым днем. Неожиданно рыбная закусочная стала единственной преградой между Ньюболдом и самоубийством.

Ньюболд обсудил положение на фабрике со своим двоюродным братом.

— Моя фабрика скоро оставит меня без штанов,— сказал Ньюболд.

— А ты заведи участок для стоянки машин! На стоянку машин всегда найдутся клиенты,— сказал двоюродный брат.

— А где я заведу стоянку для машин? — сказал Ньюболд.

— На том месте, где сгорит твоя брючная фабрика,— сказал двоюродный брат.

Ньюболд навел нужные справки, и они привели его к Марвину-Факельщику.

Марвин-Факельщик, его партнер Бенджамин и их одеялоносец Джуниор представляли собой, пожалуй, самую действенную антиспадовую бригаду.

— Мы профессионалы, а не какие-нибудь пиротехники-любители,— подчеркивал Марвин-Факельщик.— Работаем на высоком профессиональном уровне. Никакого лишнего шума — и свободный участок готов!

— У меня все костюмы пропахли бензином, я никогда еще столько не трудился,— жаловался Бенджамин.

— А ты втягивай брюхо, когда льешь, и ни капли не брызнет на тебя,— сказал Марвин.

— Что бы ни случилось, я всегда наготове,— сказал одеялоносец Джуниор.

Его обязанности состояли в том, чтобы стоять на улице с одеялом в руках. Если поджигатель выбегал из здания в горящих штанах, он с ловкостью баскетболиста набрасывал на него одеяло, спасая от ожогов.

Итак, в ходе обсуждения с компаньонами планов предстоящей деятельности Марвин-Факельщик упомянул про брючную фабрику Ньюболда.

— Он еще нас кликнет, не беспокойтесь! — сказал Марвин.

Через три дня Ньюболд зашел на фабрику и еще раз просмотрел свои конторские книги. Потом выскочил из кабинета и затребовал к себе Марвина-Факельщика.

— Расчисть мне участок для стоянки машин,— промолвил он дрогнувшим голосом.

Марвину-Факельщику опять пришлось торговаться относительно гонорара, и в конце концов они сошлись на трех с половиной тысячах. Марвин, все еще опасавшийся подвоха, потребовал небольшой аванс.

— Если б у меня был аванс, я бы выдал его самому себе,— сказал Ньюболд.— Я совершенно опустошен. В прямом и переносном смысле.

Марвину-Факельщику это не понравилось. С самого начала Ньюболд что-то крутил. Но когда Ньюболд заверил его, что выплатит деньги не позже чем через шесть недель после пожара, Марвин решил рискнуть. Он сначала нанес на фабрику Ньюболда дневной визит. Через два дня Марвин и Бенджамин посетили фабрику спортивных брюк ночью. Джуниор ждал снаружи. После визита все трое уселись в машину и укатили. И сразу же что-то случилось на брючной фабрике. Все окна вспыхнули, а стены с треском разлетелись во все стороны. Марвин-Факельщик — большой любитель эффектных зрелищ.

Чиновник страховой компании учинил Ньюболду строгий допрос — признак того, что Ньюболду деньги будут выплачены не сразу. Ньюболд сказал своему брату:

— Я могу и подождать, пока у меня есть рыбная закусочная.

— А как насчет оплаты Марвину-Факельщику?

— Не беспокойся: я знаю, как обращаться с подобными жуликами.

Через шесть недель Марвин-Факельщик позвонил домой Ньюболду.

— Ньюболд серьезно болен, он не может подойти к телефону,— сказала жена Ньюболда.

— Когда можно перезвонить?

— Не раньше чем через шесть недель: он очень тяжело захворал,— сказала жена.

Марвин позвонил через две недели.

— Ньюболд? — переспросила его жена.— Разве вы не слышали? Он почувствовал себя лучше, вышел на прогулку и попал под огромный грузовик. Бедняжка чуть не умер. Лежит весь в гипсе.

А через неделю какой-то друг-приятель сказал Марвину:

— Ты, кажется, интересуешься Ньюболдом? Так я его вчера видел с одной пышной блондиночкой в кино.

В течение целой недели Марвин пытался связаться с Ньюболдом. Наконец его партнер вышел из себя.

— Давай прихватим бейсбольные клюшки и разделаемся с ним.

— Давай лучше поужинаем, мне что-то захотелось свежей рыбки,— сказал Марвин-Факельщик.

И они с Бенджамином отправились ужинать в рыбную закусочную Ньюболда. Пока Бенджамин разливал кофе, Марвин забежал в мужской туалет и снял задвижку с окна. Через пять часов, когда закусочная уже давно была заперта, Марвин и Бенджамин через окно в туалете проникли на кухню. Марвин разжег газовую плиту и заправил рыбные сковородки пятнадцатью галлонами бензина. Не успели они выбраться, как закусочная взлетела в воздух, а запах жареной рыбы разнесся на несколько миль кругом.

— Профессионалы никогда не выходят из себя,— изрек Марвин-Факельщик,— но и в долгу никогда не остаются.

Сокращенный перевод с английского
С. ШАЙКЕВИЧ

ВашингТОНИЗИРУЮЩИЙ напиток.

Рисунок В. ГИНУКОВА и Л. ГОРОХОВА

ПО ЧУЖИМ СТРАНИЦАМ

Вот она, забота!

На красочной обложке последнего номера издающегося на русском языке журнала «Америка» читателям задан следующий риторический вопрос: «Может ли человек жить в гармонии с природой?» «Может!» — отвечают помещенные далее статьи, рисунки и фотографии. «Наш выбор прост: стерильный мир бурного технического прогресса — или цветущая планета, где человек в гармонии со всем живым может наслаждаться дарами природы», — гласит один из журнальных аншлагов. В этом номере «Америки», посвященном охране природы, рассказывается, какие меры предпринимают власти США для сохранения ибисов, водяных индеек, пантер, лис особой породы и прочих представителей мира природы, в том числе... индейцев. «Америка» помещает на развороте красочную карту национальных парков и заповедников, где «в естественных условиях обитают животные, птицы и рыбы». Если верить карте, под леса и луга со всей обитающей в них живностью отведено 74 100 тысяч гектаров заповедной площади. А под индейские резервации, судя по той же карте, — только 20 миллионов гектаров. Правда, в не столь уж далеком обозримом прошлом этот народ занимал все 936 300 000 гектаров территории страны, и ему никогда не приходило в голову ставить себя в один ряд с водяными курочками, лисами и оленями, взятыми теперь под защиту строгих законов об охране природы. Поистине «стерильный» мир денежных воротил и рыцарей бизнеса достиг полной гармонии со всем живым...

Степан ОЛЕЙНИК

АВТО-ДРАМА ПОД БУЧЕЙ

В полдень под Бучей, минуя опушки,
Мчались две «Волги»
навстречу друг дружке.
Встречу отметили звучным ударом:
Трах с поворота друг дружку по фарам!..

Вышли владельцы — две черные тучи,
Подняли в ярости бучу у Бучи.
Крики. Наскоки. Взаимная злоба.
Трах! — и лежат без движения оба,
Стукнувшись в бурной баталии лбами...
Вот вам вторая «авария» в драме.

Пали мужчины, сошлись их супруги,
Вопли и визг понеслись по округе.
Только разнять не успели их люди:
Сшиблись противницы, выпятив груди.
Трах — и пожалте: «авария» третья...

Поле сраженья сумел осмотреть я:
Тишь. Два авто. Кавалеры. И дамы.
...Что ж оказалось причиною драмы!
Все персонажи под градусом были!
[За исключением автомобилей].

Перевел с украинского В. КОРЧАГИН

На ряде строек сооружение жилого фонда отстает от ввода в действие производственных объектов.

ЗАВОД

СТРОИТЕЛЬ... ЖИЛОГО ДОМА

— Все рабочие разъехались... Только и остались бывшие полярники...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

«ПРОСНИСЬ И ПОЙ!»

К этому заголовку пьесы надо бы еще добавить: и танцуй! Потому что незлобивый юмор венгерского драматурга М. Дярфаша и мелодичные песенки Г. Гладкова сочетаются в спектакле Московского театра сатиры с искрометным каскадом танцев.

Их исполняют... Нет, совсем не то слово! Ими чаруют зрительный зал неподвластная годам тетя Тони — Татьяна Пельтцер и с полугрустной улыбкой вспоминающий молодость Пишта Орбок — Георгий Менглет. В этих танцах весело живут, опять же на радость зрителям, жена Пишты Эржи (Н. Архипова), сын Дюла (Б. Галкин) и, как снег на голову, нежданно вторгшаяся в рядовую будапештскую семью озорная провинциальная девчонка Карола (Н. Корниенко).

Сюжет спектакля... Впрочем, какой же может быть у музыкальной комедии особенный сюжет? Папа — добрый семейный деспот — пытается властно укротить непослушного сына. Мама — в полной растерянности. Но милая, улыбчивая тетя Тони в союзе с юной Каролой решительно разрубает узлы нехитрой интриги — и все вполне благополучно завершается... Чем? Ясное дело: песнями и танцами.

Остается сказать, что комедия «Проснись и пой!» остроумно поставлена М. Захаровым и А. Ширвиндтом, тексты песен написаны В. Луговым и Э. Успенским, балетмейстер спектакля — Б. Сичкин, художник — Э. Стенберг. Если вам посчастливится достать «лишний билетик», не пожалеете.

ПО ДВИЖУЩИМСЯ ЦЕЛЯМ

Издательство «Радянський письменник» выпустило книжечку стихов И. Золотаревского. Автор — закаленный боец веселого цеха, не раз паливший из своего сатирического оружия по бюрократам, невеждам, очковтирателям, лжецам и иным «движущимся» целям. И на этот раз автор верен себе: он точно прицеливается и бьет без промаха. И по Федоту, который не тот, и по заведенному, как машина, «Оратору», и по многим иным.

«НЕРАВНЫЙ БРАК»

— Мезальянс,— фыркали когда-то аристократы, узнав, что мужчина «их круга» женится на «простолюдинке». У нас аристократов нет, но кое-кто иногда фыркает. Например, одна интеллигентная мама, некая Вера Васильевна, сочла, что дочка маляра Катя не пара ее сыну Кириллу...

И что же из этого вышло? Вышел умный, веселый спектакль в Московском театре имени Ермоловой. Ермоловцы поставили пьесу ленинградских драматургов Владимира Константинова и Бориса Рацера «Неравный брак», в которой весьма убедительно показали, что фыркай не фыркай, а мезальянса в наше время нет и быть не может.

вона-вона, поглядите!

Иркутянин Спорный Я. Б. опростал карман от кедровых орехов и вложил туда крем для бритья.

Подойдя к УВД, этот странный Я. Б. извлек тюбик «Флорены» и выдавил в рот дециметр крема.

— К Старжинскому! — мрачно сказал мылоед.

Его пропустили.

И в кабинете зам. нач. областного ОБХСС происходил драмтеатр.

— Нет? — говорил Я. Б. Спорный, высматривая на полу участок дорожки с несношенным ворсом.

— Категорически нет.

— А я вот! — говорил Я. Б., аккуратно стукаясь головой об ворсистый участок.— Затылком бьюсь!

И начав активно жевать, Я. Б. Спорный гнал бритьевую пену, пена шла из него, как из огнетушителя. В этом месте лжеэпилептика гнали на улицу. На улице он, по ком плакала давно каталажка, кричал и делал руками жесты, символизирующие то отпускание птицы на волю, то раздавление клопа.

— Час пробьет! Мне до малости все вернете!

И верно. Хоть нигде не трудится скорняк-мылоед, хоть воистину он подпольный фабрикант, конфискованную у него пушнину придется ему вернуть. В кодексе нет статьи, по которой можно прижать пушного мародера.

Выбросив из кармана крем «Флорена», лжеэпилептик тяжелой рысью упер к себе 67 шкур норки, 98 ондатр, лис, песцов. О чудесном избавлении быстро распространилась весть. Начались разговоры:

— В законе-то дыра. Шестидесятого размера мужчина спокойно пролезет. Служите в малой авиации летчиком, посещаете глухие углы. Вы везите, а я сбуду пушнину. А? По рукам?

И между крючками параграфов в своде законов с гулом пролетает «АН-2».

— Ну, еще бы, «ты ветра и солнца брат», геолог. Но скажу тебе, Николай, шкурки пушзверя много легче, чем булыжник из недр. Выноси шкурки, я сбуду в миру...

Короче: всплыл факт, что охрана государственной монополии на пушнину кое-где провалена.

С сотрудниками областного Управления охотничьих промыслов я протискался на барахолку Иркутска.

Пот тек по лицам барыг и ханыг, ибо грудям было душно от набитых за пазуху шкур. Первого попавшего мы взяли под руки — молодой человек, коммерциальный подросток, пахнет сельским детством и руки в цыпках от крапивы и жаб.

— Чего?! — взвыл подросток, повисая на связке норок.— Адзыньте! Сам купил, не продажные. Треух пошью, шошки зябнут.

— А купил у кого?

— Да вона,— оживился подросток.— Вона-вона, поглядите, вона-вона, побежал, десять лет ему дадите, незаконными снабжал! Не увидели, что ли? Черняввенький!

Нет, мы не увидели.

Человек продает неклейменую выдру, но тоже говорит, что купил. У кого?

— А такусенький... Два мосла и чекушка крови. Жгучий. Где он? Нет такусенького. Не найден.

Некто продает пять рысей: «Купил». У кого? У чернявого. А столько зачем? Сразу — с вызовом:

— Тебе что? Пижаму скрою. Бзик такой. Наши граждане имеют право на бзик.

Почему они ведут себя, как хулиганы с майдана? Почему никого не задержали инспектора?

Потому что уже обжигались на этом. Конфисковывали вороха незаконной пушнины, а потом из прокуратуры раздавался звонок:

— Спекулянты? Конечно же, спекулянты. Мы понимаем. Однако, руководствуясь существующим сегодня законом, пушнину конфисковывать нельзя.

— Что, возвращать?

— К сожалению.

И, прознав об этом, владельцы пушнины — сплошь оптовые спекулянты, лесные разбойники — пошли на штурм Управления охотничьих промыслов, и оно едва уцелело.

Скажем, вами взят лихоимец, сорок сороков соболей на руках, но вам надлежит его отпустить, он не спекулянт, он «купил», ибо есть гипотетический образ черняввенького (в одном ряду с Летучим Голландцем, тенью папаши Гамлета и градом Китежем).

Двести человек в собольих шапках, воротниках, оторочках — думный боярский сход да и только — вызвали для собеседования сотрудники УВД. Двести сказали: продал черняввенький, а нас не укусишь.

И сейчас — разгул. В областях Томской, Свердловской, Тюменской, Иркутской, в таежных краях и республиках такое явление: летают отдельные люди в промысловые зоны. Трассы прочно освоены. В малых селениях, по заимкам, на краю географии, куда самолет прилетает лишь в третьи четверги каждого месяца, вы наткнетесь везде на следы перекупщика.

— Сколько лет, сколько зим! — бросается перекупщик на искусанную лесными клещами шею охотника.— Нефед, как дела, жена, дети, политучеба, здоровье?

У него нахрап скупщика из «Гудзон-бай компани» и обходительность страхового агента. Он свой парень, может подпрыгнуть, поймать на лету воробья и съесть в перьях.

— Ничо,— говрит Нефед.— У нас какие дела? Делишки у нас, у вас вот дела.

— Хвосты е?

— Е мало-мало.

Три соболя уходят за двести сорок рублей. Деньги сразу. Пушно-меховая база в Иркутске дала бы за них сто двадцать и с большой проволочкой.

— Ну, не кашляй, Нефед. К весне буду. Поклон жене. Детям по пионерсалюту.

10 тысяч соболей, норок, бобров и выдр (особо строгие лицензионные виды) — столько хитят за год в лесах лишь схваченные браконьеры. Ускользнувших всемеро больше. Ондатра и бобр повсеместно лежат кверху лапами. Над соболем и норкой угроза. При массовом этом шакальстве охрана бессильна. Счет конфискованных ружей со штук перешел на кубометры. А в лесах по-прежнему свист свинца, и уже некогда выцеливать зверя промысловым приемом по мочке носа, а прямо сгустком дроби в бочину — залатает подпольный скорняк.

И приходят в город тючки. И латает шкурку скорняк. Из подвалов несется ритмический шорох и нудный запах кислого теста. Там керулят шкурки круглым ножом, мнут и тянут. Вывернув полностью керогазный фитиль, нечестный человек шьет изделие. Изделие пялите на голову вы, дорогой согражданин N, а потом местком выделяет деньги на апельсины больному, ибо должной санобработки в подпольной швальне сырье не проходит, и у вас классическая туляремия. (Есть грустные сводки санэпидстанций по пушному вопросу.)

Частный промысел, прежде живший с оглядкой, с головой, втянутой в плечи, вдруг обузил глаза, прижал уши — и больно кусает государство.

Велика сеть коопзверопромхозов и госпромхозов. Там разводят пушных зверей. Бережно снятые шкурки пакуют, отправляют на меховую базу в Иркутск. Из дальних концов страны, со многими самолетными перевалками груза поступают сюда тюки.

Это подметили. Появились ушкуйники. Не надо бить ноги в тайге, из-за трех соболей балаболить с Нефедом. Просто необходимо знать: этим вот самолетом отправляют пушнину. Надо сесть в самолет. Когда в промежуточном аэропорту самолет заночует, подползти по пахнущей керосином траве, сковырнуть с борта портфельный замок — и на ощупь по грузам, на ощупь, ищи самое большое и легкое.

В ближайших складках местности изучает налетчик тюк и тихо смеется в пушнину. Ну, голуби, ну, отправители! Мехов тысяч на шесть, а объявлена ценность в сорок рублей. И шлют без охраны. Видно, экономят, рачительные.

Так ползут пластуны к самолетам, а потом вдруг в Одессе прорежутся сразу сорок нижнеудинских соболей.

Раззор.

«Аэрофлот», сложив на груди руки, философически наблюдает.

— Неизбежно,— говорит «Аэрофлот»,— работу сопровождают потери. На больших скоростях — неизбежно.

Госпромхозы, коопзверопромхозы, чьи труды пошли прахом, чьи заготовки провалены, мечутся, грозя кулаками пустому холодному небу.

Фабрики государственной, единственно законной переработки пушнины загружают звонками сеть: где сырье? Не хватает сырья!

Милиция не могла стоять в стороне. Милиция бросилась в гущу явления и билась, как лев. В госпромхоз прибывал агент, формировал ложный тюк и следил за грузом в пути: вдруг клюнут ворюги?

Велась бессонная, всепогодная работа. И крупнейшего успеха достигли лишь в том, что пушнину к отправке принимают теперь только в ящиках, а тюками — ни-ни.

Скромный, потупивший очи успех, если учесть, каких достижений добился владелец неклейменой пушнины.

Вот фабрика индпошива, и директор бросает на счетах. Хило тянется план, будут гроздья гнева от вышестоящих инстанций, смещения, перемещения.

В комиссионном магазине заведующий смотрит в торговый зал. Валится план, пусто на гвоздиках, лишь висят битые молью профессорские ермолки с бобром. Ермолки профессорские, цена академическая. План чем вытягивать?

В ателье, в химчистках, на рынках уныние: а мы чем будем живы?

Тут приходит человек, облокачивается на прилавок.

— Э,— трубит человек, зная, что закон против него не воздвигнут.— Вали-ка сюда. Вот давальческого сырья принес, из матерьяла заказчика. Ну, состыкуемся?

Вообще это смертный грех и строго запрещено. Однако во всех крупных центрах Союза ателье, химчистки, комиссионные точки принимают украденную у государства пушнину Принимает Одесса, в неимоверных количествах принимает Иркутск, Чита, Тюмень, Новосибирск, Свердловск... Счет идет на десятки тысяч хвостов. Принимаются даже лебединые шкурки. И никто из руководящего состава госпредприятий не был за это взлохмачен. Человек давит план! И что ж тут опасного, коли давалец принес окрасить триста шкурок ондатры?

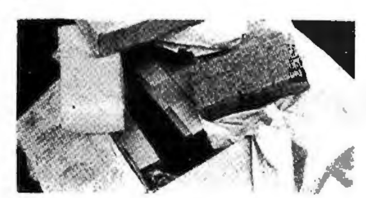
Просто совестно в этих условиях не утроить давление на родную природу. И газета в Иркутске уже объявляет: ателье у вас примут в обработку любые меха, так что жмите фауну, туды ее в мех!

А. МОРАЛЕВИЧ,
специальный корреспондент Крокодила

КИРПИЧОМ В УНИСОН

Как-то Белгородская база «Росбакалеи» прислала Новооскольскому горторгу несколько ящиков заказанного им шоколада «Люкс» московской фабрики «Рот фронт». На ящиках наклейки — «Шоколад». Вскрыли ящик № 323, а там в тщательной упаковке... кирпичи.

Заботятся об этом торге и другие поставщики. Вот хотя бы Белгородский хлебокомбинат. Прислал он в Новый Оскол несколько ящиков пряников «Северные». При этом, как видите, в один ящик положили несколько пряников, но наряду с ними два рулона бумажной ленты.

А девать эту бумагу торгу некуда. Так же, впрочем, как и кирпичи...

Б. САВЕЛЬЕВ

ЭКОЕ КАНАЛЬСТВО!

Стародавнее предупреждение не рыть другому яму, иначе сам можешь влипнуть, очевидно, не было известно рабочим, копавшимся на улице имени Розы Люксембург в Тирасполе. Так же, как и их начальству.

Наверное, именно поэтому они еще ранней весной отрыли здесь не яму, а не то канал, не то канаву. Ту самую, которая увековечена на фотографии, присланной в редакцию читателем Л. Писларюком. Канава существует который месяц, к смятению родителей и к радости ребятишек, еще летом нетерпеливо ожидавших, когда смрадный водоем превратится в отличный каток.

Горкомхозовские работники не проходят мимо указанного факта. По слухам, почти достоверным, один из них, шествуя мимо канальной канавы, погрозив пальцем в небо, воскликнул зычно и авторитетно:

— Безобразие!

А что вы думаете, вполне возможно, и прав человек. Впрочем, говорят, что горкомхозовец имел в виду не действия бездействующих строителей, а теплую погоду, не позволяющую морозам заковать канаву в ледяную броню...

Р. БЕРКОВСКИЙ

Наше вам с кистью

Первым взялся за кисть географ. У него получилось нечто вроде Апеннинского полуострова.

След, оставленный мазком историка, смахивал на схему классического окружения римской армии под Каннами.

У словесника вышло вообще какое-то междометие.

Работа естественника родила разногласия. Оставленное им на стене пятно отчасти напоминало индонезийского варана, отчасти — галапагосскую черепаху.

В общем, малярное творчество у нас, учителей и воспитателей Краснодарской школы-интерната № 2, носит явно абстрактный характер.

Мы, дорогой Крокодил, обратились к тебе все-таки не для того, чтобы поделиться опытом совмещения разных профессий. Важнее объяснить, почему малярные кисти попали в преподавательские руки.

Наш интернат по идее ненадолго прикрыли ради достойной цели — постройки нового спального корпуса и расширения столовой. Цель осталась, а идея провалилась в отрытый глубокий котлован. Строители теперь чего-то ковыряют, чего-то подковыривают, а интернат, как ни напрягает слух, вот уже второй учебный год не слышит ребячьих голосов. И тогда, желая приблизить светлый день открытия интерната, мы сами принялись строительствовать. Малярные работы, как говорится, таксяк освоили, а с прокладкой теплотрассы почему-то не ладится. Видно, мешает нам в этом деле одностороннее педагогическое образование...

По поручению коллектива:
Ф. ГОЛУБКОВА, Н. ВОЙТ, В. ТАРАН, П. МАГНИЦКАЯ, Н. ДЕЙНЕГА

г. Краснодар.

Все будет хорошо

Город Горское, Ворошиловградской области. Квартира гражданки Сытовой. Звонок в дверь. На пороге — симпатичный мужчина. В руках чемодан необыкновенного размера. Цирковые фокусники в таких свободно размещают льва и русалку.

— Здравствуйте,— улыбается вошедший.— Я представитель Житомирской мебельной фабрики... Вызывали?

— Конечно, вызывали,— оживляется Сытова.— думали, уж и не приедете!

— Узнаю нашу продукцию! — восклицает гость, скользнув беглым взглядом по мебели.— Что с креслами?

— Сиденья не держат. Проваливаются.

— Сервант?

— Дверцы не сходятся, стекла заклинены.

— А шкаф?

— Стенки буграми, дверцы перекошены. И еще столики — журнальный и обеденный — на ногах не стоят.

— Чего же вы брали такое? — укоризненно спрашивает гость.

— Так ведь запаковано всё. В магазине открывать не велели. Сказали, что в порядке,- - оправдывается Сытова.

— Не отчаивайтесь, все будет хорошо.— бодро заключает посланец фабрики, скидывая пиджак.

— Мне пришлют новый гарнитур? — с надеждой спрашивает Сытова.

— Зачем же новый? — удивляется гость.— Старый будем чинить. На месте. У меня с собой целый чемодан инструмента. Только попрошу тумбочку куда-нибудь убрать. С ней розетка рядом. Я там хочу долбежный станок установить. А стол можно оставить. К нему верстачок приладим. Ну и ведерочко желательно: стружка большая будет...

— А мне куда деваться? — хватается за голову хозяйка квартиры.— Жить где?

— Это уж, извините, гражданочка, меня не касается,— ответствует гость.— Мое дело — работа... Да, вот еще что,— вдруг вспоминает он,— электронагревательные приборы желательно не включать. С политурой работать буду.

— Может, все-таки замените гарнитур, а? — робко спрашивает Сытова.

— Ну что вы, гражданочка! — снисходительно поясняет гость.— Если мы все гарнитуры заменять будем, так нам и в продажу выпускать нечего будет...

Н. РЫНДИЧ

МИМОХОДОМ

Предприятию требуются специалисты по сокращению штатов.

*

Следи, чтобы на зигзаге удачи не свернуть голову.

*

Вышла из моды еще одна книга писателя Н.

*

В очереди все — вперёдсмотрящие.

*

Вечнозеленый змий.

*

Шпроты живут в воде, а умирают в масле.

*

Сколько камней, брошенных в истину, легло в ее фундамент!

*

Женщина с модной прической не позволит, чтобы жизнь гладила ее по головке.

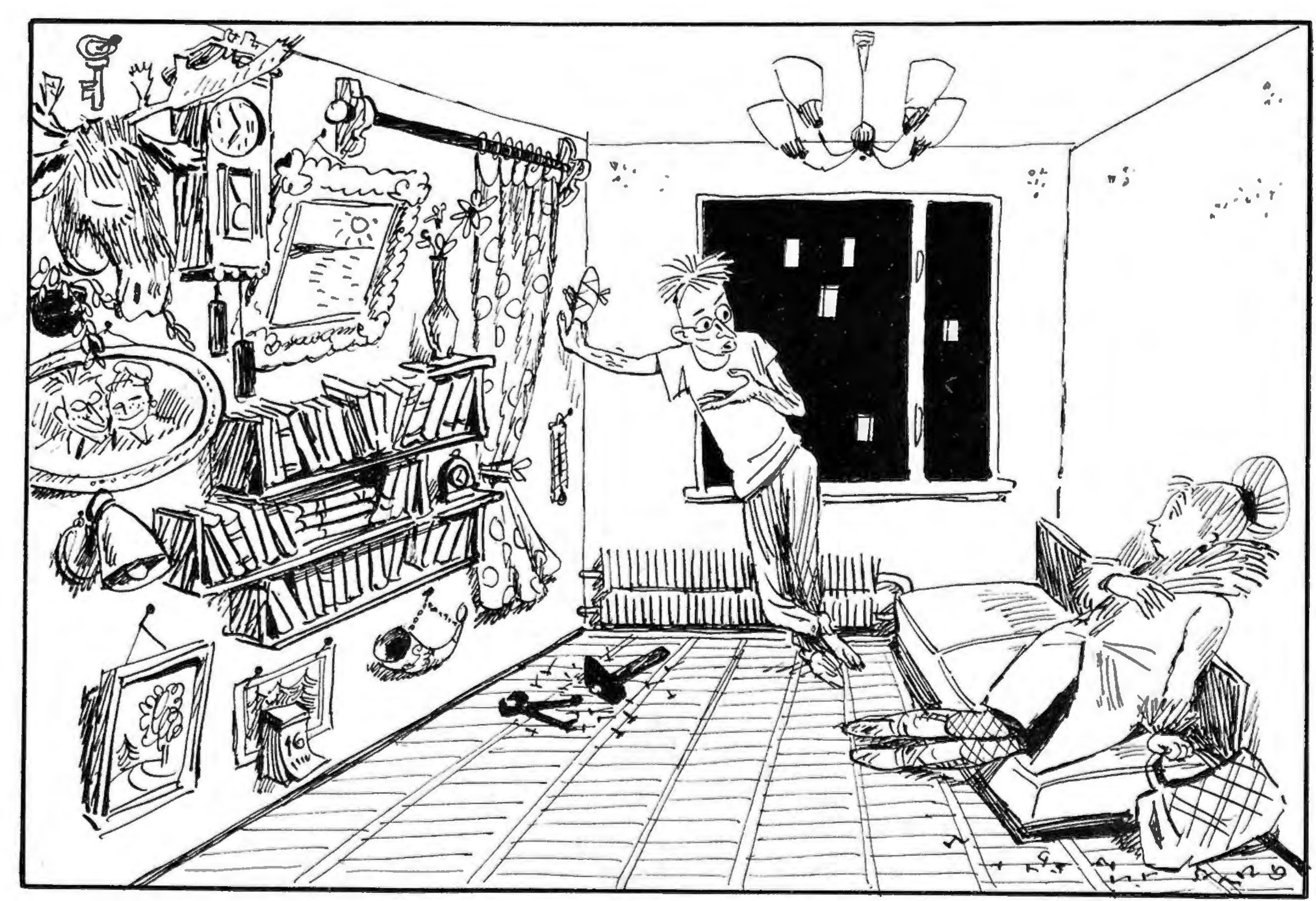
*

Продается не бывшая в употреблении совесть.

*

Для Адама все яблоки были райские.

Виктор **КОНЯХИН**

— В другие стенки гвозди не лезут...

Рисунок **А. ЦВЕТКОВА**

Из цикла «Страшные невероятности»

Леонид ЛЕНЧ

Черная курица

Рассказ

I

Стоял на глухой стоянке в самый гадкий ночной час таксист Бесстрашнов. Звать — Григорий, Гриша.

На душе у него было муторно.

Во-первых, с планом опять... кислота! Пассажиры за смену попадались — одно горе: туда их везешь, будто в другую Галактику тащишься, оттуда катишь порожняком.

Во-вторых, жена Галина определенно поглядывает налево. Третьего дня Гриша подъехал к ее «Блинной», оставил машину в переулке, зашел, сел за свободный столик и, нос уткнув в карточку-меню, стал вести наблюдение.

Галина прошла мимо — не заметила. Бокастая, сдобная, калорийная, рот, как вишенка. Несла поднос, на подносе порция блинов со сметаной и графинчик портвейна. Поставила эту благодать на соседнии столик, за которым сидел лохмач в пижонской курточке, сосал сигарету.

Лохмач налил вина в рюмку, поднял двумя пальцами, сказал нахально:

— Блины со сметаной и с вашей улыбкой — это пища богов! За ваше!

— Кушайте на здоровье!

Улыбнулась зазывно и пошла, виляя боками, помахивая подносом.

Так стоял, вспоминал и думал таксист Бесстрашнов и вдруг услышал:

— Таксист, вы свободны?

Оглянулся — стоит подле «Волги» не то девица, не то молодая дамочка. В кожаной юбчонке-коротышке, на точеных ножках сапожки в обтяжку, глаза-скорострелки сильно подведены, рот от помады кровав, щеки бледные.

— Куда ехать, гражданка?

А дамочка — вот она! — уже сидит рядом, показывает пальчиком:

— Прямо!

Поехали прямо.

Пассажирка смотрит искоса на Гришу, ухмыляется.

— Таксист, миленький, почему вы такой бука?

— Будешь букой, когда пассажиры попадаются — одно горе. Вроде, извините, вас. С такими плана не сделаешь. Вам-то что! А у меня прорыв в бюджете, да и начальник колонны будет собачиться.

— Как это «собачиться»? — спрашивает пассажирка. — Так, что ли?

Спросила и пальчиком с наманикюренным ноготком слегка ткнула Гришу в грудь. И вдруг видит шофер: на баранке не его руки лежат с узловатыми железными пальцами, а мохнатые собачьи лапы. Он к зеркалу, а в нем отражается здоровенная собачья оскаленная морда. Фу ты, пакость какая! Хотел крепкое словцо запустить для облегчения, а грудь рвет сиплый кобелиный лай. Тут пассажирка снова коснулась пальчиком Гришиной груди, и видение исчезло.

Гриша одну руку оставил на руле, другой форменную фуражку сдвинул на затылок, утер пот ладонью со лба.

— Шуточки эти бросьте, вы на транспорте!

— Я не шучу. Чего вы так смотрите? Я же ведьма! Ей-богу, я ведьма!..

Первая оторопь у Гриши прошла. Ему любопытно стало, куда разговорная тропка дальше поведет. С такими дамочками не соскучишься!

— Ведьма, а божитесь! Бога-то нет, я это еще в первом классе учил.

— Бога нет, а нечистая сила есть!

— А чем же она занимается, кроме того, что дешевые фокусы показывает? Существенное что можете сделать?

Пассажирка на Гришин вопрос ответила вопросом:

— А что вы хотите?

Гриша подумал и сказал:

— Сделайте так, чтобы я ни от чего не расстраивался. Даже в газетах пишут, что если все близко к сердцу принимать, — запросто на инфаркт наскочишь, а то и вовсе загнешься. Можете так сделать?

— Могу, но не бесплатно.

Уговор был предложен такой: на две недели пассажирка сделает Грише сердце каменным. За это он станет ее как бы персональным шофером тоже на четырнадцать ночных смен. А там видно будет. Машину подавать к двенадцати часам ночи, оплата по счетчику плюс чаевые.

— А куда подавать машину? — спросил Гриша.

— К Ваганьковскому кладбищу, к воротам! — сказала пассажирка.

— Согласен!

— Подверните к тротуару.

Подвернул Гриша Бесстрашнов к тротуару, притормозил. Пассажирка обернулась, посмотрела ему в глаза с той же ухмылистой зазывностью и крепко поцеловала в губы.

Смертным холодом пахнуло на шофера от этого поцелуя, и словно ледяная волна побежала по жилам. Добежала до сердца и превратилась в каменный сгусток. А голова стала вроде как бы пустой, стукнул Гриша по ней тихонько костяшками пальцев — отозвалась звоном.

II

...Всю ночь колесил Гриша Бесстрашнов по городу, возил ведьму в разные концы, а перед рассветом оказались они на Минском шоссе.

— Что у вас за дела такие — по ночам? — вяло поинтересовался Гриша.

Ведьма закатилась дурным смехом.

— У нечистой силы и дела должны быть нечистые. Да вам-то что? У вас, миленький, сердце теперь каменное, непробивное. Так?

— Так-то оно так, только... отсуньтесь от меня, гражданка ведьма, духи у вас очень крепкие, от них чихать хочется. Не наши?

— Не наши! Потусторонние! Вы, миленький, жмите, мне до солнца надо домой на Ваганьковское поспеть, сами понимаете!

А звезды на небе уже переливаются бледным светом, светофорят солнышку: путь свободен.

Ведьма подсела поближе к Грише, сказала воркующим голоском:

— Давайте, миленький, прикинем по спидометру, сколько еще нам до Ваганьковского катить. Я хочу все денежки вам сейчас отдать, на всякий случай. План-то... он ведь есть план. Правда?

— Правда! — ответил ведьме таксист, давясь зевком. — План, его вынь да положь.

— Только запомните: что бы ни случилось, к Ваганьковскому вы все равно должны подъехать, — сказала ведьма строго, со значением. С этими словами она вынула из сумочки крупную купюру и сунула Грише в карман пиджака.

— Жмите, миленький, жмите!

Мчит с ветерком Гриша Бесстрашнов ведьму по пустой широкой ленте шоссе, газует вовсю. А звезды вот-вот таять начнут.

Вдруг завиляла Гришина «Волга», запрыгала, затряслась. Гриша подрулил к обочине, вылез из машины, поднял крышку капота, стал, перегнувшись пополам и выпятив зад, копаться в моторе.

Ведьма тоже вылезла, перебирает ножками на асфальте, скулит над Гришиным задом жалобно, как приблудная собачонка:

— Скорее, скорее, пожалуйста!

— Отсуньтесь, гражданка ведьма, не бурчите под руку!..

Наконец все готово у Гриши. Разогнулся он... что такое?! Дамочки его нет, а подле машины суетится черная курица. И рассвет уже набирает пламенную силу на востоке. Вот это номер! Гриша нагнулся, взял черную курочку в руки, она — ничего, не трепыхается, сидит покойно, смотрит на шофера желтым пронзительным глазом, тихо квохчет, словно спрашивает:

— Уговор наш помнишь, миленький?!

Достал Гриша из багажника пустой мешок, запихнул в него черную курицу и покатил к Ваганьковскому кладбищу. Подъехал к воротам, поглядел по сторонам. Никого!.. Тогда он вылез из машины, вытащил мешок из багажника и выпустил курицу-оборотня на мостовую. Отряхнулась черная курочка и мигом шмыгнула под кладбищенские ворота. Поминай ее как звали!

Весь день шофер после этой ночи валялся дома на кровати, спать не спал, а так — томился и грезил. А о чем грезил — и сам не мог понять. На Галину свою не смотрел, словно она не жена ему и даже не женщина молодая и привлекательная, а вроде бы заводная кукла.

— Подай стакан!.. Сбегай за «Беломором»... Нет, в кино не пойду, ступай сама.

Подошла смена. Ровно в двадцать четыре ноль-ноль подъезжает Гриша Бесстрашнов к Ваганьковскому, а ведьма, целая и невредимая, стоит как ни в чем не бывало у ворот, улыбается ему нормальной дамской улыбкой: «Поди ко мне!». И ничего куриного в ней нет!

— Приветик, миленький!

— Здравствуйте, уважаемая. Как ваше здоровье?

— Отлично!

— Куда поедем?

Показала пальчиком:

— Прямо. О том, что случилось в ту ночь, молчок.

«Ладно! — думает Гриша. — Ты не квохчешь ни о чем, и я буду молчать».

На этот раз вернулись они к Ваганьковскому вовремя, до рассвета. Ведьма вылезла из «Волги» в своем человеческом обличье, расплатилась по счетчику сполна, чаевые отвалила порядочные, ручкой на прощание Грише помахала и тут же скрылась в редеющем ночном сумраке среди белых памятников и черных могильных крестов.

В гараже заметили, что Гриша сильно изменился с некоторых пор. То, бывало, на собраниях первым брал слово, бил по недостаткам прямой наводкой, ничего и никого не боясь, а тут сидит молчком, вялый, бледный, как куль с мукой.

Председатель спросит:

— Товарищ Бесстрашнов, вы, кажется, слова просите?

— Нет, это я за ухом чешу!

Самому себе стал противен. Был человек, а превратился в безразличную мокрицу: ничего не волнует, не возмущает, не тревожит. Вроде бы так и спокойней жить, а жить не хочется! Мелькнула мысль: заболел. Надо пойти в поликлинику посоветоваться с врачами. Но потом подумал: не сказать врачам, что ведьма околдовала, — замучают своими уколами и витаминами, сказать — засмеют. А то и хуже — признают психом, снимут с линии. Так и не пошел.

III

Подошла десятая ночная смена. Опять колесил Гриша Бесстрашнов с ведьмой всю ночь по городу. И снова так случилось, что оказались они перед рассветом за городом на Минском шоссе. И опять не успел шофер до рассвета доставить пассажирку к месту ее жительства.

Едет он по шоссе, усталый, ко всему на свете безразличный, везет в багажнике черную курицу в мешке. Вот уже и Кунцево, до города — рукой подать! Не захотелось таксисту к Ваганьковскому машину гнать.

«Поеду прямо в гараж, — безо всякого интереса подумал Гриша Бесстрашнов, — машину сдам, а курицу возьму домой. Пес с ней, посидит сутки в мешке, ничего с ней не случится, разве что временная куриная слепота нападет. А в новую смену подъеду к Ваганьковскому, выпущу эту тварь из мешка, и пускай она при мне превращается в дамочку. Посмотрим на эту феерию! Тоже кино, только бесплатно!»

Вернулся он домой, сунул мешок с курицей — она там сидела молча, затаясь, — в дальний закуток в прихожей и завалился спать. Спал долго, без просыпа. Разбудила его Галина (она в этот день была выходная), тащит с мужа одеяло, играет баба, шутит.

— Вставай, барин, обед на столе. Я такую тебе лапшу сварила — пальчики оближешь!

Гриша испугался:

— Какую лапшу? Из чего лапшу?!

— Из курицы, которую ты привез!

— Она же... живая была!

— Была живая, а стала вареная. Я дворника дядю Сашу попросила, он топором — чик! — и стала твоя курочка на голову короче.

— С ума ты, Галька, сошла! А вдруг это не курица была, а нечистая сила, оборотень?!

Галина смеется:

— С нечистой силой только так и надо обращаться. Чик! — и готово!

Сели за стол. Гриша попробовал Галину лапшу, поморщился, положил ложку на стол.

— Вроде духами какими-то отдает!

— Понимаем ваш намек! — сказала Галина, поднялась и достала из буфета четвертинку.

Хватил Гриша стаканчик, но лапшу все же есть не стал, закусил соленым огурчиком.

После обеда пошли они с Галиной погулять. Погода — хуже нельзя: под ногам слякоть, небо серое, низкое, холодное, воздух тяжелый, невкусный, не воздух, а жидкий студень несоленый. А Гриша идет и нахваливает погоду:

— Дышится-то как легко! Благодать!

И вдруг навстречу им лохмач из «Блинной». Увидел Галину, остановился, улыбается во весь рот.

— Здравствуйте, красавица! Какая неожиданная, приятная встреча!

Галина смутилась, а Гриша подошел к лохмачу вплотную, посмотрел ему прямо в глаза и сказал сквозь зубы:

— Идите своей дорогой, миленький, а то я вас — чик! — и готово!

Лохмач как брызнет от него!

Галина засмеялась, взяла Гришу под руку, крепко прижалась к нему, и пошли они прямым ходом в кино.

Александр ИВАНОВ

Безвыходное творчество

Всю душу разодрав на клочья
и каждый нерв растеребя,
я погибал сегодня ночью —
я перечитывал себя.

Марк Соболь.

Всю ночь я шевелил губами,
сучил ногами, пол дробя;
я мерзко выл, скрипел зубами —
я перечитывал себя.
Я от стыда пылал, как спичка,
себя готов был разорвать.
Гори она огнем, привычка,
как заведенный, рифмовать!
Довольно, хватит! Слово чести,
я образ жизни изменю!

Да провалиться мне на месте,
когда хоть строчку сочиню!
Да будь я проклят, если сяду
опять за стол с пером в руке!
Чтоб выпить мне пол-литра яду,
чтоб утонуть мне в молоке!
Глаза б вовеки не глядели
на этот ворох чепухи...
Но ежедневно, встав с постели,
я вновь сажусь писать стихи.

— От нас ушел верный друг и чуткий товарищ...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Ю. ШАНИН

Труженик моря

Я, к небу голову
закинув,
Глотаю мидии живьем...

Позванивают
и побулькивают
Наши веселые пуза.

Фазиль Искандер.

В объятья к рыбам и медузам
Ныряя в море поутру,
Я трусь о дно веселым пузом,
Я выхожу метать икру.

Лениво море разбросало
Соленой снеди сотни тонн:
Грызу медуз морское сало,
Глотаю мидий и планктон.

Когда ж, выныривая гулко,
Плыву к береговой черте,
Уютно булькнет барабулька
В недоуменном животе.

Литературные пародии

Мих. ВЛАДИМОВ

Арифметика и жизнь

— Любишь меня? — ластятся 7
лет к 30.
— Любишь меня? — молчат 17
перед 17.
— Любишь? — пытают 30 у 40 и
40 у 30.
— Меня-то любишь ли? — шлют
60 вдогонку всем им.

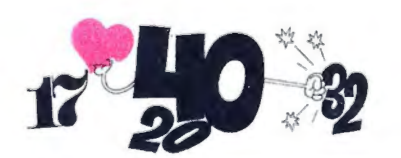
Ирина Снегова

Я ехала в двенадцать на восьмом,
Вошли семнадцать вместе с двадцатью.
По три бросая, оторвали два.

К семнадцати стал сорок приставать...

Молчали двадцать так не по-мужски,
Боясь по тридцати двум получить,
Поскольку сорок вылакал ноль пять!

Я твердо сорок за руку взяла
И в сто седьмое отвела затем,
Чтоб по заслугам дать ему пятнадцать!

К. АКИНЬШИН

НА ВСЕ РУКИ

Командировка моя закончилась успешно. Довольный шел я по заводскому двору и тут увидел Витьку, того самого, с которым когда-то начинал трудовую биографию. Он катил бочку. Поздоровались.

— Бывают же такие счастливые встречи! — обрадовался Витька.— А то и помочь некому.

Мы закатили бочку в цех.

Пока я глазел по сторонам, он лихо промчался на электрокаре с какими-то заготовками.

— Я сейчас освобожусь! — крикнул Витька, возвращаясь с грузом стружки.

— Покури пока, — посоветовал он немного спустя и поволок мимо меня длинную трубу.

— Сейчас поговорим, — услышал я из кабины мостового крана.

— Отнесу сейчас фрезу и отпрошусь домой, — донеслось до меня из противоположного конца цеха.

Вскоре возле нас собрались рабочие. Витька взобрался на бочку и прочувствованно сказал:

— Такое вот дело, ребята. Друг приехал, пять лет не виделись, а ему уже уезжать надо через два часа. Может, отпустите меня с работы?

Ребята осмотрели меня и зашумели.

— А кто мне валы на станок устанавливать будет? — раздался женский голос.— Я ведь не лошадь, чтоб по пуду ворочать.

— Оно, конечно, нехорошо получается, — поддержали другие, — а вдруг что-нибудь принести будет надо.

— Да что же принести-то? — с отчаянием отозвался Витька и тут же получил обстоятельный ответ:

— Мало ли что!

Большинство, однако, не возражало, рассуждая меж собой, что не каждый день приезжают друзья, что жизнь есть жизнь и что со всяким может случиться.

Лишь один остался недоволен. Плюнув на суппорт станка IK62, он проворчал:

— У меня у самого теща вчера уехала. Знал бы такое дело, не стал бы тут с похмелья мучиться.

Мы уже подъезжали к дому, когда автобус забуксовал.

Витька выскочил на мостовую, подпер плечом автобус и закричал что-то бурлацкое. Пассажиры с интересом смотрели на его усилия и даже радостно засмеялись, когда автобус стронулся с места, а Витька целую остановку бежал за ним, внимательно глядя на колеса.

В подъезде своего дома он вырвал у меня портфель и с криком «Я сам!» сделал попытку поднять меня по лестнице.

Наконец мы сели за стол и предались воспоминаниям.

— А Мишку помнишь?

— Как же,— оживился Витька,— хороший бы из него фрезеровщик вышел, если бы в университет не приняли.

— Ну, мне пора, — сказал я, — а то на поезд опоздаю.

— Да что ты! Оставайся, будь другом! Я тебя тоже не забуду. Отгул оформим, нарядик состряпаем... А? Впрочем, что я говорю. Совсем замотался...

Прощаясь, я заметил в углу здоровенные гири.

— Занимаешься? Раньше ты вроде не очень-то спортом увлекался.

— А что поделаешь? Работа такая, — отозвался он, глядя на гири с отвращением.

— Да, кстати, — заинтересовался я, — а кем ты сейчас работаешь?

— Как кем? Мастером. Теперь предлагают должность старшего мастера. Вот и тренируюсь.

г. Чехов, Московской области.

— Иван Иванович! Тут один джинн ждет моих указаний. Так какие будут указания?

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Изволили перчаточку обронить, товарищ заведующий!

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

Посетитель аккуратно прикрыл за собой дверь и горько сказал:

— Сидите тут, бумажки перелистываете, а у людей среди бела дня общественные баяны из рук выхватывают...

— В чем дело, гражданин? — оторвавшись от кипы протоколов, устало спросил заместитель начальника Орджоникидзевского городского отделения милиции г. Свердловска капитан Е. П. Ерохин.

Посетитель снял шапку, присел.

— Я и говорю. Пять дней назад не успел выйти из ресторана «Отдых», как у меня общественный баян отобрали. И личный плащ вместе с ним. Разве ж это порядок? — Посетитель скрутил в бараний рог шапку.— Коновалов я. Инженер по технике безопасности ремонтно-строительного управления № 40. У вас тут мое заявление имеется.

— Ищем, Коновалов, ваши баян и плащ... Дел у нас выше головы... Но, несмотря ни на что, мы, Коновалов, создали спецгруппу по делу вашего ограбления. Пятый день ищем преступников, ищем ваши плащ и баян. Что еще вы хотите? — Капитан встал, нервно закурил.

— Поймите,— прижал руку к груди Коновалов,— баян общественный. Сто семьдесят рублей стоит. А плащ личный. Тоже жалко.

— Не нужно было пить, Коновалов. Зачем пили?

— Как зачем пил? — удивленно развел руки Коновалов.— У нас в РСУ-40 профсоюзная отчетно-перевыборная конференция была... Как не выпить?

— Что же, по этому поводу все и напились? — язвительно спросил капитан Ерохин.

— Ну зачем же все? Только актив. — Коновалов оживился. — Всех разве ж напоишь? После конференции старый состав постройкома и вновь избранный решили единой семьей, забыв былые распри, ознаменовать событие. Не каждый день профконференции бывают! Постройком ради такого дела денег не пожалел, выделил. Сто рублей, как бы не соврать... Ну, и сами, понятно, еще по трешке бросили. Так что вы зря, товарищ капитан.

Коновалов выпрямил грудь и шутливо погрозил пальцем.

— Если б я где-нибудь индивидуально наклюкался! Да я, можно сказать, почти не злоупотребляю. А тут все было культурно. Взяли баян из красного уголка и пошли в ресторан «Отдых». А вы что же, против коллективных мероприятий? Не против? Все, повторяю, было очень культурно.

Коновалов на мгновение задумался и поскреб за ухом.

— Потом расходились группами, Чтоб, значит, не затеряться где-нибудь. Я тоже вышел, но не успел дыхнуть свежего воздуху, как у меня грабители общественный баян выхватили. Едва руки не вывихнули. И личный плащ тоже отняли. Средь бела дня! Безобразие! Я жалобу буду писать туда — выше...

В кабинет вошел подтянутый лейтенант.

— Товарищ капитан, нашлись вещи заявителя Коновалова. Баян и плащ черный.

— Где обнаружили? — строго спросил капитан Ерохин.

— На станции «Скорой помощи».

— Где-е?

— Позвонили со станции «Скорой помощи». Заберите, сказали. Они их нашли, товарищ капитан. Баян и плащ черный. Карета «Скорой помощи» нашла. На вызов ехала и нашла. Точнее, с вызова когда возвращалась. Вот объяснение, данное фельдшером...

И лейтенант зачитал бумагу:

— «Когда туда ехали — видели на третьем километре, возле столба, пьяный лежит и баян с плащом рядом с ним. Когда обратно ехали, баян и плащ продолжали лежать возле столба, а пьяного уже не было. Ушел. Мы подобрали баян и плащ черный».

— Чудеса! — недоверчиво пробормотал Коновалов и, раскрутив шапку, медленно побрел к дверям.—Мистика!

Н. САМОХВАЛОВ

г. Свердловск.

Сем. НАРИНЬЯНИ

Короткие рассказы

У фельетониста, как у любого другого газетного работника, есть блокнот. Среди других записей в этом блокноте имеются и веселые. Заметки о встречах, разговорах, выписки из писем в редакцию. Пополнять записи в блокноте помогают мне товарищи по работе, читатели. Найдет добрый человек веселую строчку и посылает ее фельетонисту. Может, и она пригодится ему.

Из этих записей и родились короткие рассказы, которые автор предлагает вниманию читателей.

УСЫ

У входа в кафе ко мне подошел небольшой раскрасневшийся человек.

— Не узнаешь?

Мужичок с ноготок. Я смотрел на этого мужичка и не мог вспомнить, кто он. Может, и вспомнил бы, но меня сбивали с толку усы. Только представьте себе: крохотное личико, чуть больше антоновского яблока, крохотный носик, и под этой крохой двумя кукурузными початками — усы. И в каждом усе по полфунта волос.

— Я Андрей Отливанников! Неужто не помнишь?

И я вспомнил осень двадцать девятого года. Палаточный городок на берегу Сухой Мечетки. Приехали мы тогда с Отливанниковым из разных мест на строительство Сталинградского тракторного завода. Работали в одной бригаде, жили в одной палатке. Правда, Отливанников не долго клал кирпичи в стены цехов. У парня обнаружился тенор, и постройком отправил его в Саратов учиться пению. С тех пор мы и не виделись. Я пригласил старого приятеля в кафе.

— А ну, рассказывай, где ты, кто ты? Артист оперы? Солист филармонии?

— Нет! В оперу и в филармонию меня не взяли. Недомерок. С моим ростом петь теноровые партии можно только по радио. А по радио я не захотел. Поешь и публику не видишь, разве это пение! Из искусства я ушел.

— Куда?

— В торговую сеть. Сменял подмостки на прилавок!

— Ну и как?

— В торговле бывает всяко: то вознесет его высоко, то кинет в бездну свысока.

— Ты-то на каком небе?

— Директор самого большого универмага в нашем городе. Вроде московского Мюр и Мерилиза.

Девушка принесла нам булочки и два стакана кефира. Отливанников тотчас погнал девушку назад за ложечками.

— А я пью кефир прямо из стакана,— сказал я.— Так вкуснее и удобнее.

— Тебе удобно, а у меня усы.

Отливанников придвинул к себе вазочку с бумажными салфетками и спросил:

— Сколько ты во время обеда тратишь таких салфеток? Одну, две, не больше. А мне требуется восемь, десять! Для тебя русский борщ удовольствие — для меня мучение.

— Ты когда стал отращивать усы! На войне?

— После. Из-за этих усов я чуть жизни не лишился. Поехал как-то в Москву в командировку, а у меня возьми да и вскочи карбункул. И где — под правым усом! Врач из поликлиники просит для пользы лечения срезать волос, я ни в какую. Температура поднимается, что ни день, то выше: тридцать восемь, тридцать девять, тридцать девять и пять. Товарищи вызывают из дома жену, мать. Врач из больницы говорит:

— Уговорите своего дурака срезать ус, иначе может произойти заражение крови.

Старушка мать плачет, уговаривает, а я не слушаю ее. Из министерства торговли зав. сектором приезжал в больницу. И он уговаривал, но я и его не послушал. Спасибо пенициллину, жизнь он мне спас, а ус сохранить не удалось. Его хоть и не сбрили, да вылез он после болезни, волос за волосом. Остался на губе один левый ус. Ходить с ним одним неловко. Срезать — душа не позволяет. Полгода носил на правой стороне лица повязку, пока под ней новый ус не отрос.

И тут моя жена делает подлость. Видишь ли, глупая баба испытывала якобы от моих усов во время сна неудобство. И она берет тогда в постель ножницы и предательски срезает пол-уса. Я вскипел, озлился. У меня двое детей, я не посмотрел, ушел из семьи. Принципиально! Месяц жил со старшей кассиршей. Меня вызвали в райком, дали выговор.

— Охота тебе из-за глупого упрямства претерпевать столько неудобств, ссор, получать выговоры?

— О...о! Это не упрямство,— сказал Отливанников и поднял вверх палец.— Усы — дело принципиальное. Усы — это возрождение традиций народа.

— Какого народа?

— Моего! Вспомни Тараса Бульбу.

— Но нельзя делать из своих усов культ!

— При чем тут культ? Усы — это наша национальная гордость! Лично я много уже сделал, чтобы возродить эту гордость. Раньше надо мной вся торговая сеть потешалась. Теперь осознали, угомонились. Четыре материально ответственных лица нашего универмага последовали моему примеру: зав. бакалейным отделом, зав. отделом готового платья, зав. галантереей, зав. складом.

— Они тоже отращивают усы из-за высоких принципов?

— А как же! Традиции народа.

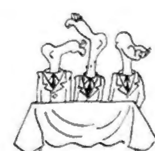
— Эх, Отливанников! Да разве в том доблесть, кто больше шерсти отрастит у себя на губе? Добрые традиции нужно соблюдать в делах!

Мне бы лучше не поднимать разговора о делах. Я совсем упустил из виду, что у них в торговле бывает всяко: то вознесет его высоко, то кинет в бездну свысока. Директор универмага принял почему-то мои слова за намек и обиделся.

КАНДИДАТ НАУК

«Мой муж, Г. Д. Сундуков, — кандидат наук, начальник хим. лаборатории, известный в городе Орске человек. Муж считает наибольшим достижением мировой культуры 9-ю симфонию Бетховена, «Войну и мир» Л. Толстого и сибирские пельмени. Я тоже люблю музыку и литературу, однако научиться хорошо, вкусно готовить сибирские пельмени не могу. На этом основании мой муж Г. Д. Сундуков срамит меня перед родственниками, соседями и сделал посмешищем всего города Орска. Прошу не отказать напечатать несколько слов про этого так называемого работника науки и культуры. Напишите фельетон, но так, чтобы моего дурака не сняли с его поста. А то в другой раз его уже не назначат начальником, а у нас на иждивении два сына-школьника да мать-старушка, и жить на обычную зарплату будет трудно».

ГОВОРЯТ НОГИ

«Лучшие ноги страны съехались в Москву на совещание, чтобы поговорить о низкой результативности игры в футбол. В разговоре примут участие самые меткие бомбардиры класса А и Б».

Эта заметка была напечатана в спортивном журнале под заголовком «Навстречу новому сезону».

ЖЕЛТОЕ С ЛИЛОВЫМ

Экономист Дадашев ревновал жену ко всем и каждому. К соседям, сослуживцам, к ее дальним и близким родственникам. Достаточно только было жене подойти в гостях к буфету, как муж начинал коситься и на буфет.

Врачи из «неотложки» могли выслушивать и выстукивать жену только в присутствии супруга. Дадашев оберегал жену не только от врачей, но и от портных, парикмахеров. Он сам научился стричь жену, укладывать ей прическу. Сам снимал с нее мерку, сам заказывал ей в ателье юбки, жакеты.

Пока речь шла о врачах и парикмахерах, жена покорно сносила тиранию мужа. Но когда супруг попробовал нарядить ее в платье, сшитое из желтого с лиловым, она пошла в партком министерства с жалобой.

Так плохой вкус подвел ревнивца, и Дадашев получил выговор с предупреждением за симбиоз желтого с лиловым.

Я ОБМАНЫВАЛ РОССИЮ...

В ресторане сидит седой подвыпивший борец и плачется:

— Я обманывал Россию. Я обманывал Россию.

— Каким образом?

— Я был сильнее «Черной маски», а хозяин цирка заставлял меня ложиться под него на лопатки...

За соседним столом на минутку воцаряется тишина, и затем снова слышатся тяжелые мужские всхлипывания:

— Я обманывал Россию! Я обманывал Россию!

ОТ ВСЕГО СЕРДЦА

— Навестите Петра Сидоровича. Он при смерти.

— К Петру Сидоровичу не пойду. Не хочется. Вот когда вы, Яков Борисович, будете при смерти, вас я буду навещать ежедневно.

ОБИДА

— Странные врачи в нашей поликлинике. Когда у меня болела голова, они делали мне уколы в ягодицу. Почему? Это, мол, домашняя хозяйка, темный человек, дурочка. Вот какое мнение имеют медицинские работники о простой советской женщине. И от такого мнения моя голова болит еще больше.

КОМПЛИМЕНТ ИЛИ ОСКОРБЛЕНИЕ!

«Захожу я на днях в рыбный магазин, что недалеко от Белорусского вокзала. Вижу, выкинули селедку. Спрашиваю:

— Хорошая?

Продавец отвечает:

— Не извольте беспокоиться, гражданочка. Выберу для вас такую же симпатичную, как и вы сами.

Спрашиваю у вас, работников редакции, как понимать слова продавца: как комплимент или как оскорбление, и как быть с продавцом — жаловаться на него или еще что?».

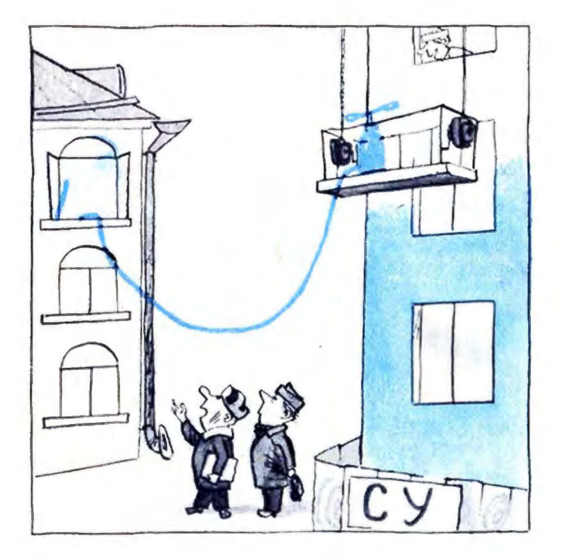

ЧТО ЛЮДИ ПОДУМАЮТ...

Я был в кабинете директора завода и слышал, как секретарша сказала ему:

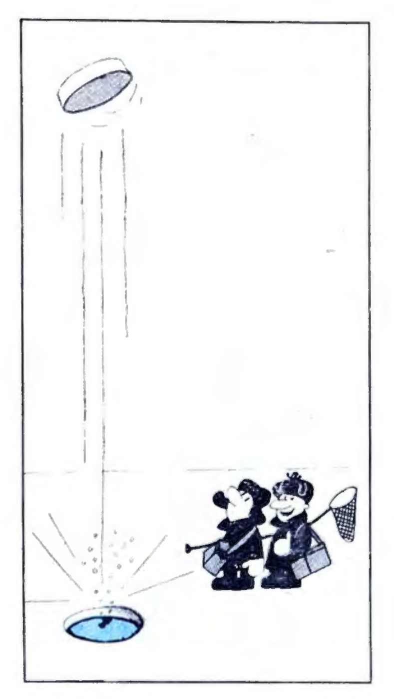
— Васин ждет приема уже двадцать минут. Впустить?

— Не страшно, пусть подождет своей очереди. Когда я был начальником цеха, меня каждый ждал, сколько положено. А если я сейчас пущу Васина вне очереди, он первый перестанет меня уважать. «Э! — скажет.— Как упал наш Аристарх Кузьмич!»

— А маляры-то ваши левый заказ выполняют!

Рисунок А. ГРУНИНА

— Сюда сливает отходы завод шампанских вин...

Рисунок А. СЕМЕНОВА

На зависть геологам.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Хозяин, за доставочку трояк не подкинешь?

Рисунок Б. САВКОВА

— Кажется, вы просили еще сто пятьдесят?

Рисунок А. АЛЕШИЧЕВА

А. ПОРТЕР,
специальный корреспондент Крокодила

Как-то коровы Чернского района стали сильно мычать. Притом жалостно. А одна корова мычала-мычала, да и отдала богу душу.

А все почему? Потому что нельзя коровам давать корм со стальными опилками. Это малокалорийно.

Им, конечно, дали такое блюдо не умышленно. Им дали с виду обыкновенный свекольный жом, который привезли со станции Чернь. И кто же знал, что там стальные опилки...

Этого и начальник станции Чернь тов. Денисов не знал. Он только знал, что вот пришли на вверенный ему железнодорожный пункт вагоны с кормами и пришли вагоны, где были стальные опилки. А то, что грузы эти потом сильно промеж себя перемешались, этого тов. Денисов не знал.

Тут, конечно, шум поднялся. Безобразие, мол. И районное начальство приехало на станцию Чернь, чтобы все это высказать.

Оно зашло в кабинет тов. Денисова и начало ругаться. А тов. Денисов ругаться не стал. Он только вывел разгневанных гостей непосредственно на пути, сделал широкий жест и сказал:

— Смотрите! Здесь у меня лежат многие тысячи тонн всяких грузов. И если сейчас, к примеру, придет состав с углем, то я его сгружу вон к тем удобрениям. Больше некуда. И если удобрения после этого почернеют, то виноват буду не я, а вы. Потому что если груз пришел на станцию, то получатель должен его забрать. А вы не забираете. Удобрения лежат, лес лежит...

Тут районное начальство хотело вскипеть, но товарищ Денисов не дал:

— Но и вы тоже не виноваты. Вам к этим грузам ни на каком тракторе не подъехать. Увязнет. Тут сплошное болото. Так что, чтобы к грузам подъехать, надо ждать до зимы, пока не подморозит и не схватит льдом. А до тех пор я буду взимать штрафы с получателей за хранение грузов. Такой порядок. Я за год собрал двенадцать тысяч рублей, хотя мне лично они и не нужны.

И видит районное начальство, что оно и в самом деле не виновато. Благоустраивать подъезды к станции не их забота, потому как станция чужая, не Тульского отделения, а Орловского. И тогда они пишут письмо руководству Орловского отделения Московской железной дороги и просят навести на станции Чернь какой-никакой порядок. Станция, мол, ваша, и забота ваша.

И по этому сигналу приезжает сам начальник отделения тов. Бутков. Он ходит по путям и очень авторитетно разговаривает в том смысле, что все будет сделано, поскольку станция действительно ихняя.

А потом он уезжает.

В районе, конечно, думают, что вот сейчас что-то будет. Лужу мелиораторы уберут, фронт разгрузки забетонируют, подъезды к грузам соорудят.

Но только ничего этого не происходит.

Районное начальство громко нервничает и посылает еще один сигнал в Орел. И тут приезжает целая комиссия. Комиссия тоже ходит по путям. Она ходит во главе с заместителем начальника грузового отдела тов. Федосовым и обещает, что вскоре все будет в лучшем виде.

Но в районе проявили на сей раз некоторый пессимизм. И очень правильно сделали. Потому что станцию никто благоустраивать не стал.

Правда, сюда приехал тов. Трушкин, зам. начальника Орловского отделения по эксплуатации. Он приехал для того, чтобы утешить руководителей района и вселить в их души надежду, что скоро все будет просто здорово: любой получатель сможет подъехать к своим грузам и забрать их в любое время года. Такая идиллия...

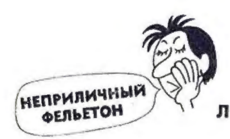
...Которая, сами понимаете, не состоялась. И тогда из Чернского района полетело письмо в Москву прямо к начальнику всей дороги тов. Карпову. В письме выдвигалась такая идея: станция Чернь находится на территории Тульской области, поэтому было бы логично передать ее Тульскому отделению дороги. И тут бы туляки с туляками как-нибудь быстрей договорились насчет благоустройства.

Но товарищ Карпов по каким-то своим, чисто железнодорожным соображениям не согласился.

Вот и вся история. И хочется только добавить, что коровам Чернского района сильно не везет. Потому что, если, к примеру, сейчас на станцию Чернь придет состав с кормами, то их свалят рядом с ядохимикатами. И если эти грузы промеж себя перемешаются, то коровы опять будут жалостно мычать.

Тульская область.

РЕПЛИКИ ФЕЛЬЕТОНИСТАМ

Л. ЛИХОДЕЕВА

Фельетон приличный и даже необходимый. Действительно, чтобы решить проблемы, о которых пишет автор, надо бежать в ресторан, столовую или на рынок. Возьмем хотя бы такой прекрасный город, как Ленинград. Городских туалетов в нем мало, а санитарное состояние их внушает ужас.

А. БАРИНОВ

Хороший фельетон, но написан стыдливо. А зря. Проблема сверхактуальная! Как правило, в новых районах общественных туалетов нет даже у нас в Москве. Нет туалетов и в крупнейших магазинах, хотя народу там бывает в тысячи раз больше, чем в кинотеатрах. Где логика? Вот и приходится стучать в частные квартиры и молить о помощи. А ведь это оскорбляет человеческое достоинство!

З. КОЖЕДУБОВА

Прочитал фельетон с надеждой. Дело в том, что в нашем городе Салавате живет более ста тысяч человек. А общественных туалетов нет. То, что имеется при автовокзале, железнодорожном вокзале, кинотеатре «Комсомолец» и на рынке, туалетами не назовешь, да и то их рано закрывают. В «аварийных» случаях деться некуда. Разговор о необходимости иметь общественные туалеты ведется у нас уже несколько лет, но, увы, чаяния салаватовцев находят свое отражение только на бумаге.

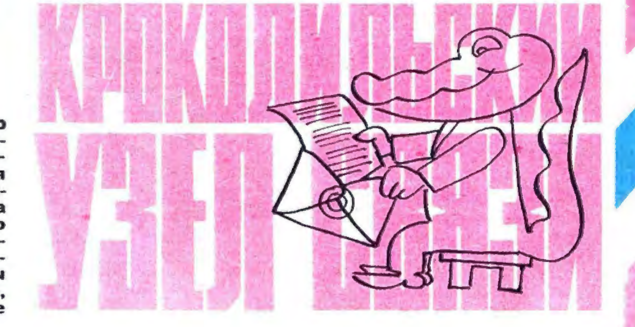
С. МАЗУРКЕВИЧ

РЕПОРТАЖ В ПОЗЕ РОМБЕРГА

Дм. ИВАНОВА, Вл. ТРИФОНОВА

У нас в Вологде тоже борются с пьянством. Во всех столовых, буфетах и даже банях запрещена торговля пивом. Местный пивзавод страдает от малой реализации. Зато повсеместно продают вино в розлив...

С. ИВАНОВ

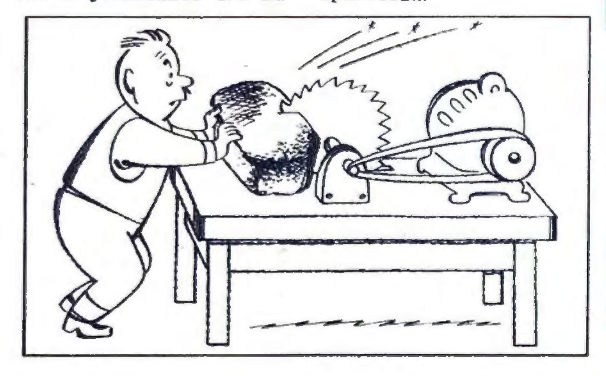
ХУДОЖНИК СОВЕТУЕТ

В вашем журнале («Крокодил» № 26, 1970 г.) был помещен рисунок «Пила в хозяйстве нужна». Пробовали мы такой пилой резать хлеб, который нам привозят из пекарни поселка Поярково,— сломали пилу. Что делать?

Н. СЕРЕДА,
с. Константиновка, Амурской области

Художник М. ВАЙСБОРД советует применить такой вот несложный механический агрегат и установить его на самой пекарне, откуда хлеб будет доставляться уже в виде аккуратных брикетов...

УЛЫБНИСЬ, ЧИТАТЕЛЬ!

Читательница А. ЩУКИНА из рабочего поселка Пильна, Горьковской области, прислала нам этот снимок.

Какой-то остроумный человек вместо примелькавшейся надписи: «Не уверен — не обгоняй» — вывел на борту машины эту: «Шоссе не космос». Дескать, будь осторожен, водитель, на поворотах. А читательница возмущена...

Но стоит ли возмущаться? Разве плохо, если мы будем напоминать людям о каких-то серьезных вещах с улыбкой?

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ВЫВОЗИ, СВЕТА!»

Когда требовалось пополнить новыми членами общества охраны природы, Красного Креста, «Знание», вытянуть основной показатель кинотеатров по посещаемости или заполнить до отказа стадион, на помощь призывалась Света, а точнее, сотни безропотных школьников. И не беда, что все это мешало учебе: взносы текли рекой, план «по охвату» выполнялся (см. фельетон М. Львовского, «Крокодил» № 29 за 1970 год).

Как сообщил редакции Кировоградский горком КП Украины, фельетон обсуждался на бюро горкома партии и признан правильным. Заведующему городским отделом народного образования тов. С. Скипа за администрирование при распространении билетов в кино и на стадион среди учащихся города, принудительное вовлечение их в различные общественные организации строго указано, и он предупрежден, что в случае повторения подобных фактов к нему будут приняты более строгие меры партийного воздействия.

«ОНИ ХОРОШИЕ...»

Преподаватель Института инженеров землеустройства Д. Марголис считал, что сын его Игорь — прекрасный сын, гордость родителей.

А Игорь занимался воровством и сбывал похищенное через родителей. И ни разу у них не возникло естественного вопроса: откуда у четырнадцатилетнего подростка берутся ценные вещи? И только народный суд «открыл» им глаза (см. фельетон А. Никольского, «Крокодил» № 33 за прошлый год).

Ректор Московского института инженеров землеустройства профессор Н. Ильинский и секретарь партбюро доцент С. Носов сообщили редакции, что ректорат и партбюро обсудили фельетон на партийном собрании института. Собрание признало серьезную вину коммуниста Д. Марголиса, за что на него наложено партийное взыскание. Одновременно принято решение о необходимости перевода Д. Марголиса на другую работу, не связанную с воспитанием молодежи.

«ЛЮБОВЬ САН САНЫЧА»

В городе Горьком близ многих заводов расположены ларьки, торгующие спиртными напитками. Около них вечно толпятся желающие утолить жажду. Об этом рассказывалось в фельетоне «Любовь Сан Саныча», опубликованном в № 26 «Крокодила».

Как сообщает директор Автозаводского треста столовых тов. З. Авдонина, торговля спиртными напитками в киосках прекращена. Усилен контроль за работой мелкорозничной торговой сети.

«СВИДАНИЕ»

Неуютно было в общежитии девушек-строителей треста «Костромастрой», которое находится в городе Костроме, по Депутатской улице. Никто не следил за порядком в общежитии, любой пьяный мог беспрепятственно зайти в комнаты девушек и устроить там дебош. Это, пожалуй, единственное развлечение, которым молодые строители были обеспечены в часы отдыха.

Секретарь парткома треста «Костромастрой» тов. В. Кожин сообщил, что факты, указанные в фельетоне «Свидание» («Крокодил» № 23), соответствуют действительности.

После опубликования фельетона общежитие приведено в порядок. Завезена мебель, укомплектован штат обслуживающего персонала. Оборудован красный уголок. К воспитательной работе и организации отдыха молодых рабочих привлечены руководящие работники треста и партийно-профсоюзный актив.

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ...

АВТОРА!

Вот какой хитрый чайник был обнаружен мною в гостинице «Бахчисарай» в городе того же названия. Попробуйте решить головоломку: как нужно наклонить его, когда в нем осталась третья часть воды? К сожалению, на чайнике нет никаких данных — кто изготовитель. А жаль! Очень бы хотелось узнать, кто его автор. Может, кто-нибудь из читателей «Крокодила» подскажет?

Л. СТЕФАНОВ

КАК КОРОВА НА ЛЬДУ

Во всей Бурятской АССР полностью отсутствуют в продаже подковы для лошадей. Мы запрашивали другие республики, края и области. Выяснилось, что и там лошади ходят некованые.

Конечно, в эпоху бурного научно-технического прогресса как-то неловко задавать вопрос планирующим организациям: известно ли им, что лошадей нужно ковать? В особенности зимой. Иначе некованая лошадь зимой ведет себя, как корова на льду.

Н. КУРТОШИН

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Объявление.
Тов.! Чтобы вы не требовали жалобной книги, мы вас предупреждаем, что котлеты позавчерашние.
Зав. производством

(Объявление в столовой)

Прислал В. Карпуша, г. Никополь

Тов. Агиенко!
Одних собак на обучение не берем, обучаем в группе вместе с хозяином три раза в неделю.
Инструктор

(Ответ школы служебного собаководства)

Доставил А. Агиенко, Краснодарский край

Огурцы не свежие 1 кг 0-60

(Ценник магазина № 12)

Прислала Р. Шаш, г. Евпатория

Прислал В. Костенко, г. Черкесск

«Всем шоферам автомашин Краз-256 запрещается показываться в центре города. В случае появления будете задерживаться милицией и виновные будут строго наказываться.

Администрация».

(Объявление на цементном заводе).

Переписал В. Винников, г. Старый Оскол

«Начальнику областного управления сельского хозяйства

Правление колхоза им. Кирова Знаменского района просит Вас оказать помощь в приобретении легкового автомобиля ГАЗ-69 для председателя, который совершенно отсутствует в хозяйстве.

Председатель колхоза им. Кирова — Третьяков».

Прислал И. Нефедов, г. Тамбов

«Директору АТБ-I Савенко И. И. от моториста Зеленского В. М.

Объяснительная

Я прогулял с 19 ноября до 10 декабря. По какой причине и сам не знаю.

15.12.70 г.»

Прислал В. Володин, г. Волгодонск

ОТДЕЛ КАДРОВ

— Наконец-то мне попался справочник с перечнем всех предприятий нашего города!

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

В. КОМОВ

НАДО ПОМОЧЬ!

Когда директор фабрики переступил порог кабинета, раздался междугородный телефонный звонок.

— Здравствуйте,— послышался голос зам. начальника главка.— К нам обратился за помощью работник вашего предприятия Крячкин. Жалуется на черствость, бюрократизм, беззаконие.

— Прямо-таки комплексное обвинение. Кто же и чем обидел товарища Крячкина?

— Очередь подошла его — на улучшение жилищных условий. А вы кадрового работника отодвинули назад...

— Во-первых, он не кадровый — всего десятый месяц числится в штате, а трудовая книжка его — богатейший сборник автографов начальников отделов кадров.

— Предположим... Но он обвиняет вас также в яростном администрировании, в том, что взыскания вы раздаете направо и налево.

— Он единственный в цехе, да и на заводе получил три взыскания почти без пауз — за брак, пьянку и прогул!

— Допускаю... Однако Крячкин утверждает, кроме того, что вы мстите за критику и не реагируете на его сигналы.

— Не управляемся реагировать: он уже «насигналил» две дюжины жалоб! Столько же комиссий их проверяли... Ни одного факта не подтвердили.

— Возможно. Но вы же автора упорно не принимаете...

— Трудно подсчитать, сколько раз он бывал у меня и в кабинетах руководителей района, города, области.

— Не сомневаюсь в достоверности ваших объяснений... И все же ему надо помочь.

— В чем? Почему? Коллектив единодушно требует уволить Крячкина!

— Очевидно, это тоже обоснованное мнение. И все же не горячитесь, не поддавайтесь эмоциям... Не забывайте: Крячкин на вас еще одну жалобу напишет.

— Мы уже привыкли. Выдержим!

— А я нет! И не хочу, чтобы моя фамилия фигурировала, пусть даже в несостоятельном заявлении... Так что прошу принять меры, помочь. Не бросайте трубку... Вы слышали, товарищ Крячкин, я дал указание директору. До свидания... Алло! Дорогой Михаил Иванович, сам понимаю, что жалобщик не сахар. Три часа без единой передышки всех и вся поливал грязью и доказывал, что он белее ангела. Но все же помоги ты ему. Признаюсь: не хочется мне второй раз с ним встречаться. Ни очно, ни заочно!

Васил ЦОНЕВ

СКАЗКА О ФЕОКЛИМЕНЕ

Первая христианская община собралась на экстренное внеочередное заседание.

Судили Феоклимена.

— Он никогда не присутствует на утренних молитвах! — сказал один из членов общины.

— И на дневных, — вмешался второй.

— И на вечерних! — крикнул третий.

— А на ночных бдениях его вообще никто никогда не видел! — зарычал четвертый.

— Смерть язычнику! — завопил весь сход.

Только председатель общины задумчиво молчал. Наконец он взял слово.

— Хорошо,— сказал он,— убить его, конечно, можно. Но кто тогда будет нас кормить? Ведь он единственный, кто работает, пока мы молимся.

Перевел с болгарского Н. ЛАБКОВСКИЙ

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

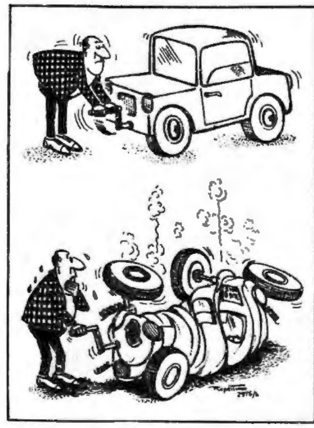
Провинциал, приехав в Париж и почувствовав отчаянную зубную боль, зашел к ближайшему дантисту.

В одно мгновение зуб был вырван.

— Сколько я вам должен? — с чувством облегчения спросил пациент.

— Двадцать франков.

— Как легко здесь зарабатывают деньги! Двадцать франков за минутную работу! А в Нанси дантист взял с меня всего франк, хотя протаскал вокруг стола три четверти часа!

«Вие нуове», Рим.

— Вы подрываете доверие к нашему банку, Дюбуа!

«Пуркуа па?», Брюссель.

— Сыночек, если ты будешь слушаться мамочку и папочку, то попадешь в рай, а если не будешь слушаться, то попадешь в ад.

— А что же нужно сделать, чтобы попасть в кино?

●

Американский турист, увидев в музее художника, копирующего картину знаменитого мастера, обращается к хранителю музея:

— А что вы сделаете со старыми картинами, когда эти новые будут закончены?

●

В купе для курящих один из пассажиров вежливо спросил:

— Извините, вам не помешает, если я не буду курить?

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Магда КЕРТЕС,
Йожеф СЮР-САБО

Решение

Действующие лица: первая женщина, вторая женщина, Лайош.

Первая женщина. Я считаю недостойным, что мы здесь ссоримся и устраиваем сцены. Лайош, решайте вы. Выбирайте, которая из нас...

Лайош. Ну, я, право...

Первая женщина. Я не собираюсь давить на вас, но вспомните: куда бы ни забросила вас судьба, я всегда преданно следовала за вами.

Лайош. И то правда...

Вторая женщина. А я? Разве, когда вы летом отдыхали на Балатоне, я не была вам верна? Даже не позволила другому прикоснуться к себе.

Лайош. Да ведь...

Вторая женщина. А когда вы, Лайош, этой зимой три недели были в Матре—неужели я не пошла на жертвы? Я ни разу не отступилась от вас. Я предпочла вовсе не ходить ни в театр, ни развлекаться. А ведь вы прекрасно знаете, нашлись бы и другие. Ференц, Эдек, Шандор... Я могла бы выбирать. Но нет, я устояла.

Лайош. Видите ли, ведь...

Первая женщина. А я? Как я к вам всегда относилась, Лайош? Изводила я вас когда-нибудь своими капризами и желаниями, как другие женщины? Всегда была признательна. Любая моя подруга подтвердит, ничего другого от меня не услышите, только Лайош, один Лайош! Он действительно знает меня, он знает мои вкусы...

Лайош. Может быть, если...

Вторая женщина. Оставим этот недостойный спор. Время не ждет. Решайте, Лайош.

Лайош. Если вы позволите, я начну со второй дамы — там только укладка.

Перевела с венгерского И. ЛУГОВАЯ

На шоссе полицейский останавливает автомобиль.

— Я должен вас оштрафовать: вы едете со скоростью свыше 100 км в час.

— Не может быть! Еще и часа не прошло, как я выехал из гаража!

●

— Мистер Браун, почему вы приходите на работу небритым? Какой у вас вид!

— Видите ли, я отпускаю бороду!

— Бороду можете отпускать дома, а не на работе!

— Теперь уже поздно петь серенады, дорогой!

«Нью-йоркер», США.

КРОКОДИЛ

№ 2 (1976)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: А. Алешичев, М. Вайсборд, В. Гинуков, Л. Горохов, А. Грунин, Б. Жаринов, Г. и В. Караваевы, В. Космылин, А. Родионов, А. Семенов, Н. Станиловский, И. Сычев, Е. Шабельник.

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

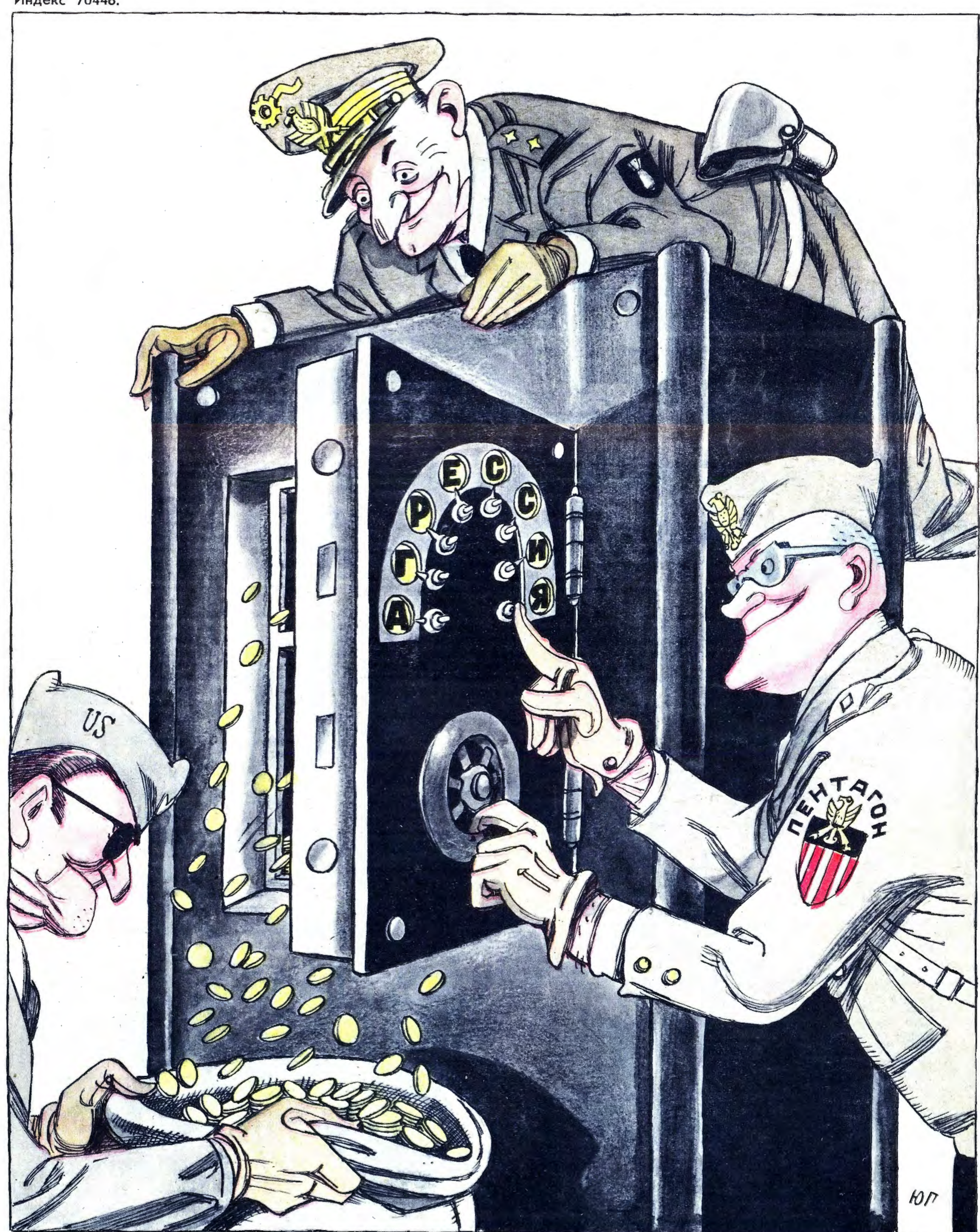
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 29/XII 1970 г. А 00208. Подписано к печати 8/I 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 000 000 экз. (1-й завод: 1—3 640 100). Изд. № 219. Заказ № 3683.

■

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448.

АМЕРИКАНСКИЙ СЕЙФ С СЕКРЕТОМ

Рисунок Ю. ГАНФА